

УР лайт № 5/23 октябрь 1988

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ

От редакции
(без подписи - И.Смирнов)

Об организации концерта памяти А.Башлачёва в Москве
(без подписи - И.Смирнов)

С.Гурьев, М.Тимашева
Между трауром и попсом (о концерте памяти А.Башлачёва)

А.Липатов
Интервью с группой KALASHNIKOV

А.Серьга
Сознательные выразители пролетарской идеологии в период развитого социализма
(о гр. ЧАЙФ)

Кому не спится в ночь глухую (обзор прессы)
(без подписи - И.Смирнов)

С.Гурьев, В.Мурзин
"Сырок"

Интервью с Е.Летовым: Одиночки опаснее для социума, чем целое движение
(без подписи - С.Гурьев)

Интервью с АГАТОЙ КРИСТИ: "У нас жизненная эстетика"
(без подписи - ред.)

Супергруппа ВОДОПАД
(интервью)
(без подписи - ред.)

Письмо свердловских музыкантов в защиту А.Новикова

Ходатайство об отмене приговора А.Новикову

А.Новиков
Стихи

И.Смирнов
The Thing

Мемориалом Александра Башлачева в Лужниках отмечен конец целой эпохи, начавшейся в Тбилиси в мае 80-го — героической эпохи, когда наш рок, ассимилировавший лучшее из бардовской традиции, стал главной и едва ли не единственной альтернативой бюрократическому режиму, то есть не просто жанром искусства, но образом жизни, философией, религией, политикой для очень большого числа людей.

Эпохи, даже героические, часто завершаются фарсом — к счастью, в данном случае этого не случилось, и кода "времени колокольчиков" оказалась величественной, достойной самого времени. Все произошло именно так, как и должно было произойти, и каждый честно сыграл свою роль: чиновники, как могли, пакостили мемориалу, а в самый последний момент пытались его запретить; охранка т.н. "порядка" компенсировала недостаток профессионализма жестокостью — особенно гопники из "комсомольского оперотряда"; "Московский комсомолец", покушаясь на лавры кокосовой "Смены", по первому же звонку "сверху" с холуйским усердием начал поливать грязью и мемориал, и его участников.

А резкий парень Шевчук, выведенный из душевного равновесия тем, что свинтили Гаркушу, произнес со сцены слово, отлично рифмующееся со словом "Лужники".

Имя Саши Башлачева объединило рок-музыкантов всех поколений и творческих школ — да и не только музыкантов. Публика в зале продемонстрировала редкую выдержку, несмотря на все провокации заказчиков статьи "Дикари" ("М.К." от 19 ноября). Прогрессивная пресса, вновь, как в 1987 г. в Подольске, не позволила запретить концерт — а американская видеогруппа безвозмездно отсняла все происходившее (на сцене и за кулисами) и подписала обязательство, во-первых, предоставить копию материала, а во-вторых, перевести Сашиной семье деньги, вырученные от проката фильма за рубежом. И когда свинтили Шевчука, охраняемую гопниками дверь, за которой держали опального певца, штурмовали рука об руку: музыканты, монтировщики, корреспонденты "Огонька", уральский трибун Шахрин и отличные ребята из Юнайтед Стэйтс, не раз въехавшие в наши проблемы.

Но вот концерт памяти Башлачева закончился. Герои рок-н-ролла отправились на "Интершанс" — выставять свое искусство на широкий прилавок рядом с продукцией М. Муромова и "Ва-банка". А "Комсомольская правда" аккуратно слева от очередной большой статьи Ю. Филинова про Севу Новгородцева поместила чрезвычайно положительную рецензию на наш мемориал. --- Авторы настоящего издания приняли решение перевести свой гонорар в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.

**Интервью с Ю.Наумовым:
"Я "вставал" от звука, а не
от слова"
(без подписи - А.Серьга)**

**Д.Морозов (О.Коврига)
Час прилива (о рок-
менеджменте)**

**А.Барановский
Хозяин (об А.Тропилло)**

**З.Петтерсон (П.Целуйко)
Вести из Таллинна**

**Ф.Лосс. Новые звуки.
(английский панк 1977-1978
гг., перевод из
ENCYCLOPEDIA OF
ROCK - О.Коврига)**

**Nina Hagen Band: на пороге
панка
(перевод М.Шишкова)**

**Московские чувства
(о гр. ЧИСТАЯ ЛЮБОВЬ)
(без подписи - М.Волков)**

**Новости звукозаписи:
НЕБО И ЗЕМЛЯ - "Панки
по жизни"**

**В.Дубинин
Интервью с Н.Полевой**

**В.Дубинин
Интервью с Е.Белкиным**

**АПРЕЛЬСКИЙ МАРШ
(информация)**

Рок-хроника

**Новая модель независимой
прессы. Интервью с
А.Бурлакой
(без подписи - С.Гурьев)**

Об организации концерта памяти А.Башлачёва в Москве

Все смешалось в доме Облонских?

Да нет, просто наступает новая эпоха, в которой согласно мудрому суждению Толкиена (УР ЛАЙТ N 2/20) появится свое добро и свое зло, причем различать их нам поначалу будет не так уж просто: сегодня уже не скажешь, что тот, кто в погонах — плохой, а кто с электрогитарой — обязательно хороший. В некоторых районах нашей страны уже как раз люди в погонах представляют человечество, а люди без погон, зато с железными прутьями, которыми убивают женщин и детей, — что-то совсем другое, о чем и говорить не хочется. И среди своих же "братков" — рок-музыкантов мы временами отмечаем что-нибудь такое, такую плюху, которой даже 11 бдительных литераторов 1969 года могли бы позавидовать.

Новое время тасует людей по-своему — и не стоит впадать по этому поводу ни в ужас, ни в отчаяние, ни в экзальтированную храбрость: "Эх, где мой обрез стальной?!" — лучше просто вслушаться в грозный гул вечевых колоколов и попытаться уловить его мелодию: то есть понять те законы, по которым будет играть с нами в свои жестокие игры новая эпоха.

Примечание:

Рок, как известно, антиавторитарный жанр искусства. В стране Советов почему-то стало традицией понимание под антиавторитаризмом эстетизированной лажи; от каковых сомнительных канонов не удалось в полной мере избавиться и творческой группе, выпустившей в свет данное издание. Отсюда — неизбежные элементы лажи в макете, а также множество опечаток.

Не все порождения нашей творческой фантазии оказались достаточно гибкими и склизкими, чтобы просочиться сквозь типографскую машину, поэтому читатель может использовать белые поля для развития собственной фантазии: например, нарисовать за Ю. Непахарева его социально-сексуальную композицию "Двухголовая птичка" или за СМ БССР прокомментировать достижения гласности в рок-музыке. Таким образом, каждый может стать участником нашего фольклорного коллектива.

Да здравствует РОК — фольклор второй половины XX века!

Принятые меры: ответственный за идейно-художественную чистоту т. Бондарев Лаврентий Виссарионович за потерю бдительности лишен талонов на сахар на апрель месяц и передан в руки товарища со стр. 141.

Идея такого концерта возникла у тех, кто знал Сашу, еще весной 1988 года. Тогда же стихийно сформировавшийся общественный оргкомитет определил для себя основные цели, к которым нужно стремиться при проведении концерта:

во-первых, привлечь внимание официальных инстанций и прессы к тому, что рядом с ними жил и творил неизвестный

им, но тем не менее один из крупнейших современных русских поэтов;

во-вторых, собрать вместе всех рок-музыкантов, близких по духу к тому, что делал Саша, и дать им возможность выступить перед массовой, желательно многотысячной аудиторией;

наконец, в-третьих, формальная задача мероприятия — собрать деньги на выпуск собрания сочинений Башлачева.

Общее организационно-финансовое обеспечение концерта взял на себя известный Молодежный культурный центр г. Химки. Некоторые работы — хозрасчетное объединение "Импульс" (подмосковный г. Калининград). Председателем оргкомитета стал Сергей Каменцев, представляющий интересы семьи Башлачева. Все свои действия (программу концерта, рекламную кампанию, содержание книги) оргкомитет согласовывал с Сашиними родными.

Самой трудной задачей оказалась аренда подходящего помещения: повторялась ситуация с VI Ленинградским фестивалем, запрещенным в последний момент фестивалем "Рок-периферия" в Москве и др. — не вдаваясь в подробности неудачных переговоров с Зеленым театром ЦПКиО им. М. Горького, Измайловским спорткомплексом, Малой спортивной ареной Лужников, можно отметить, что ситуация в целом с исчерпывающей ясностью охарактеризована в речи министра культуры СССР т. Захарова на II сессии ВС СССР, где сказано, что кооператив (а к кооперативам чиновники почему-то причисляют и общественные организации) не может заниматься концертной работой иначе, как "при государственной концертной организации". ("Сов. культура" от 01.11.88). Располагая всем необходимым для проведения концерта (гостиницы, транспорт, аппаратура, персонал, реклама в центральной и московской прессе, по радио и ТВ), организаторы, тем не менее, не могли заключить прямого договора ни с одной из крупных площадок Москвы и в конце концов вынуждены были согласиться на такие условия: химкинский молодежный центр заключает договор на проведение концерта во Дворце спорта Лужники через Москонцерт (выступающий в данном случае под вывеской своего подразделения — гастрольно-зрелищной дирекции "Москва" <Директор программы Степанов Л.А.>). Дата концерта, установленная в договоре — 27 ноября. Однако Москонцерт потребовал, чтобы в качестве компенсации за его труды по получении денег с мемориала Башлачева, молодежный центр организовал для Москонцерта и Дворца спорта еще четыре коммерческих концерта популярнейших групп. В ходе обсуждения этих требований первый договор был Москоцертом расторгнут. Уже в этот момент часть оргкомитета склонялась к тому, чтобы, соблюдая библейскую заповедь "блажен муж иже не идет в собрание нечестивых", прервать все отношения с дирекцией "Москва" и Дворцом спорта. Но поскольку примерная дата концерта (вторая половина ноября) была предварительно согласована с группами, и они соответствующим образом изменили свои

гастрольные графики, организаторы в конце концов согласились на предъявленный им ультиматум. Здесь сыграли роль и другие соображения: отказавшись от варианта с Дворцом спорта, мы вынуждены были бы дожидаться лета, чтобы попытаться захватить явочным порядком какую-нибудь подмосковную открытую площадку <Как это было, например, в Подольске в сентябре 1987 года.>, но исходя из задачи мемориального концерта, все-таки разумнее было бы проводить его не на окраине, а в одном из самых престижных залов столицы.

Так или иначе, но решение было принято — никаких конкретных альтернатив никто не предлагал. Молодежный центр подписал договор на 20 ноября — мемориальный концерт памяти Башлачева — и на 16, 17, 18, 19 ноября (два концерта КИНО и два — АЛИСЫ) <В связи с инсинуациями, опубликованными в "Мос. комс." 19.11.88 г. подчеркиваем, что эти 4 концерта в финансовом отношении абсолютно никак не связаны с мемориальным, для Мол. Центра были заведомо убыточны, и организованы они исключительно по настоянию Москонцерта.>

Вот почему в анонсе журнала "Юность", который готовится к печати заблаговременно, фигурировала дата 27 ноября, и из состава участников выпал АКВАРИУМ <Юность, 1988, N 11.>.

АКВАРИУМ отказался приехать 20-го, т.к., по словам музыкантов, в этот день у них была назначена в Ленинграде репетиция с группой ЮРИТМИКС.

К составу участников: из первоначального списка, кроме АКВАРИУМА, выпали НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС и НОЛЬ — они объявили это серьезными изменениями в составах групп, из-за которых концертная деятельность стала невозможной. Был вариант пригласить В. Бутусова как солиста, но от него в конце концов отказались и сам Бутусов, и оргкомитет. Что касается М. Мамонова, то ему было предложено оргкомитетом выступить либо с сольной программой, либо со ЗВУКАМИ МУ, но без басиста А. Липницкого, т.к. Липницкий опубликовал в ленинградском журнале "Рокси" летом 1988 года грязную сплетню об А. Башлачеве. После долгих переговоров с оргкомитетом Мамонов дал согласие на сольное выступление и даже приехал 20.11.88 г. во Дворец спорта, но на сцену не вышел.

Как только началась практическая подготовка к концерту, стало известно, что в ней задействованы две достаточно резко определенные категории людей: те, кто бесплатно работает и те, кто за деньги мешает работать. Первый серьезный конфликт произошел 9.11.88 г., когда внезапно выяснилось, что 1000 билетов оргкомитета проданы через дирекцию театрально-зрелищных касс (МДТЗК).

Как вообще распределялись билеты. Согласно устной договоренности, 1000 шт. — в г. Химки для местной молодежи, 1000 — для оргкомитета, т.е. для друзей музыкантов, для тех, кто готовил концерт и для прессы — поскольку бесплатные аккредитации на этот раз были отменены, наконец, все остальное — более 8000 штук — остались для Москонцерта и

дирекции Лужников. К сожалению, наш опыт общения с "государственными концертными организациями" оказался слишком невелик, и мы не догадались включить эту позицию в договор. В результате снова встал вопрос об отмене концерта. С огромным трудом нам удалось "выбить" 350 билетов из брони, около 400 — все, что у него оставалось — отдал молодежный центр. После долгих дебатов было решено ввести режим жесткой экономии, но концерты все-таки проводить.

10.11.88 г. организаторы концерта и журналисты с утра объехали театральные кассы в различных районах Москвы, надеясь скупить то, что осталось, но везде на вопрос о билетах на 20.11.88 г. кассиры отвечали, что таковых еще не поступало (в некоторых кассах советовали "приходить завтра", а в одной у М. "Арбатская", сообщили, что эти билеты распределялись по предприятиям). В тот же день в 15 часов та же рейдовая бригада прибыла в дирекцию касс (Старопанский, д. 5) — там нам было сообщено, что билеты уже давно проданы. После чего в кассах на вопрос о концерте памяти Башлачева тоже отвечали, что билеты на него "были, но проданы". Как в действительности распределялись те 5500 билетов, которые пошли через МДТЗК, можно только догадываться.

К середине ноября основные работы по подготовке концерта были завершены. Несколько кооперативов и хозрасчетных объединений предложили свои услуги по изготовлению к мемориальному концерту различных сувениров (значков, плакатов, колокольчиков) для торговли в фойе.

Книга А. Башлачева к этому моменту тоже была готова к изданию: собраны и сверены по имеющимся автографам все тексты, указаны разночтения, сделаны необходимые примечания, написано предисловие. Услуги по изданию предложили несколько кооперативов: с одним из них была достигнута предварительная договоренность, предполагающая выход первого тиража в феврале-марте 1989 года.

14 ноября в Генеральной дирекции Лужников состоялось совещание по концерту 20 ноября. В ответ на наше предложение обсудить вопросы охраны порядка на нашем и 4-х предыдущих рок-концертах, администрация и представитель МВД дали такой ответ: "Мы профессионалы и сами знаем, как поддерживать порядок". В результате на концерте КИНО 16.11.88 г. не было принято вообще никаких предварительных мер по охране порядка, публика имела фактически свободный доступ к сцене, а на разгон ее уже во время выступления КИНО был брошен комсомольский оперативный отряд, члены которого возмещали недостаток профессионализма жестокостью.

17.11.88 г. в кабинете Генерального директора Лужников представителям оргкомитета было предъявлено требование сократить продолжительность мемориального концерта до 4 часов, т.е., по словам администрации, Москонцерт не согласовал этот вопрос с Дворцом спорта (что представляется странным, если обратить внимание на время начала — 16 часов — и на объявленную в афишах программу).

Только 18.11.88 г. администрация Лужников

согласилась на естественную меру убрать стулья из партера и поднять сцену, как принято на концертах рок-музыки. В результате 18 ноября стульев не ломали, однако обстановка продолжала оставаться напряженной. Дело в том, что служба охраны порядка, по-прежнему отвергавшая любые советы специалистов по рок-музыке, сначала выставила перед сценой мощный кордон на расстоянии примерно 2 метров от сцены, а затем, уже во время выступления АЛИСЫ, начала силой оттеснять танцующую публику вглубь партера, на расстояние примерно 30-40 метров, провоцируя тем самым возмущение зрителей и создавая реальную опасность несчастных случаев. На совещании, организованном вечером 18.11 при участии первого секретаря Ленинского РК КПСС ни один из представителей охраны порядка или администрации так и не смог объяснить нам, зачем это было проделано. Директор Дворца А.И. Синилкина в крайне грубой форме прервала председателя оргкомитета С. Каменцева (дословно: "Тоже мне учитель нашелся"). Нам было объявлено, что концерт АЛИСЫ 19.11.88 г. "отменяется" (т.е. запрещается), а судьба мемориала будет решаться на следующий день в МГК КПСС и Гл. управлении культуры.

19.11.88 г. в "Московском комсомольце" вышла статья В. Кириллова "Дикари", где вина за события 16.11.88 г. возлагалась на "дикую" рок-аудиторию и почему-то на группу КИНО, а кроме того, грубо извращались слова С. Каменцева. Статья содержала также провокационное предложение к тем, кто имеет билеты в партер на концерт памяти Башлачева, сдавать эти билеты в кассы, так как стулья в партере уже сломаны.

(Следует отметить, что за концерты Дворец получал 45 процентов со сбора. Кроме того, персонал Дворца уже в индивидуальном порядке постоянно занимался вымогательством денег за выполнение различных работ. Наш художник-сценограф К. Кувырдин только из собственного кармана выплатил около 120 рублей).

Выход статьи Кириллова бурно приветствовала администрация Лужников и Москонцерта. Как они нам сообщили, начальник Главного управления культуры, т. Бугаев все-таки разрешил наш мемориал при условии его сокращения до 3-х с половиной часов — явный абсурд с точки зрения программы, заранее составленной и согласованной с Москонцертом. Кроме того, было непонятно, почему за безобразную работу службы охраны порядка на коммерческих мероприятиях, организованных по инициативе Москонцерта, должен расплачиваться оргкомитет мемориала А. Башлачева.

В ночь с 19 ноября на 20-е бригада звуко-инженеров под руководством В. Григорьева смонтировала на сцене новый аппарат.

20-го в 16.00 мемориальный концерт все-таки начался. Не касаясь его творческой стороны, отметим события, незаметные или не совсем понятные для аудитории в зале.

Во-первых, о незапланированных участниках. А. Макаревич, отменив концерт в Ленинграде, специально приехал, чтобы спеть одну песню на этом вечере. За

собственный счет с той же целью приехали музыканты из АУКЦИОНА. Они хотели заменить отсутствующего Мамонова — Москонцерт категорически возражал, возникла сложная конфликтная ситуация, в ходе которой О. Гаркуша вышел на сцену "по-партизански", без объявления, а после выступления был немедленно схвачен за кулисами все той же охранкой "порядка". Возмущенный этим Ю. Шевчук потребовал со сцены его освобождения. Гаркушу освободили, но после окончания концерта лица в штатском схватили самого Шевчука. С группой КИНО выступала Дж. Стингрей.

Перерывы в концерте были отменены по требованию администрации, которая таким образом сокращала его продолжительность. Тем не менее в зале, где собралась "дикая" рок-аудитория и выступали все те же КИНО и АЛИСА, за все 5,5 часа не было отмечено ни одного инцидента. Молодежь соблюдала идеальный порядок, что ставило в крайне трудное положение не только автора статьи "Дикари", но и ее заказчиков. Можно предположить, что именно поэтому музыканты, организаторы концерта и даже близкие родственники Башлачева подвергались оскорблениям и откровенным провокациям со стороны некоторых сотрудников Дворца и особенно комсомольского оперотряда. Установленные в каждом коридоре посты оперотряда периодически переставали пропускать в те или иные служебные помещения или даже на трибуны людей со служебными пропусками, выданными самой же администрацией Дворца, что вызвало полную неразбериху и многочисленные конфликты. От музыкантов и ведущего И. Смирнова постоянно требовали выполнения заведомо нереального требования о сокращении концерта. Обстановку за кулисами хорошо иллюстрирует следующее заявление, направленное в прокуратуру Москвы: "Я, Иванов Владимир Аполлосович, был официально аккредитован администрацией Дворца в качестве фотографа на мемориальный концерт памяти А. Башлачева 20.11.88 г. После окончания концерта я производил фотосъемку его участников на память об этом замечательном благотворительном мероприятии. Неожиданно на меня набросился незнакомый мне человек и, никак не объясняя своих действий, начал силой вырывать из рук дорогую импортную аппаратуру. Если бы окружающие граждане не оттащили от меня хулигана, аппаратура была бы разбита. Нападавший оказался членом комсомольского оперативного отряда. Находившиеся рядом журналисты сообщили мне, что его фамилия Гоголев. Прошу привлечь нападавшего на меня гражданина к ответственности за хулиганство. Сообщаемые мною факты могут подтвердить свидетели..." (следуют фамилии).

О съемках на концерте: съемку производили видеогруппа химкинского молодежного центра и видеогруппа из США; американские друзья русского рока обещали нам предоставить копию всего отснятого материала, а доход от проката фильма за рубежом перевести на имя Сашиного сына. Кроме того, съемку производили Ленинградское ТВ и Студия документальных фильмов.

Об инциденте во время выступления КИНО: В. Цой, как и К. Кинчев, высказал со сцены свое отношение к статье "Дикари". Затем группа КИНО начала исполнять свою программу. Внезапно выступление было прервано включением финальной фонограммы и хоккейного света, а микрофоны на сцене отключены. Таким образом, предусмотренный по сценарию финал всего концерта оказался испорчен.

Об инциденте с Ю. Шевчуком: Шевчук был задержан за кулисами и заперт в служебном помещении. Охранявшие дверь члены комсомольского оперотряда отказались не только допустить к лидеру ДДТ директора группы Г. Зайцева, адвоката и представителей центральной прессы, но и дать какие-либо объяснения происходящему, если не считать издевательской фразы: "А с ним хочет поговорить директор Дворца". К счастью, люди проявили выдержку и не дали себя спровоцировать на применение силы, чего, видимо, очень хотелось организаторам провокации, чтобы очередной раз обвинить в беспорядках музыкантов. Вся сцена была заснята фотоаппаратами и американской видеогруппой. Вскоре Ю. Шевчук был освобожден. Охрана порядка объяснила его задержание тем, что во время выступления группы ДДТ было произнесено одно нецензурное слово ("Мы же понимаем, кто был Саша, мы же не м... какие-нибудь").

Оргкомитет.

Примечание:

В. Кравченко ("Московский комсомолец", 26.11.88 г.) не заметил на концерте, где выступали ведущие группы страны, ничего, кроме "неформальных группировок", от которых исходила опасность драки, и раскиданных по залу презервативов, бутылок и нижнего белья — и если первое его наблюдение не вызывает возражений (подобного определения вполне заслуживает т.н. "комсомольский оперотряд"), то бутылки, кондомы и лифчики, видимо, просто ближе и понятнее для В. Кравченко, чем музыка или поэзия. Поэтому они и застят ему весь крещеный мир, словно лицо любимой женщины.

А.Серьга

Сознательные выразители пролетарской идеологии в период развитого социализма

О группе ЧАЙ-Ф я впервые узнал из "Зомби". Не хочу сказать, что статья была плохо написана, но в то время меня основательно достали спекуляции вокруг "Народности электрической песни" /как-будто любимцы народа не "Мираж" и "Модерн токинг"/, и я подумал: "Еще одни селекционеры-скрещиватели панкучи и уголовщины". Но вскоре я получил

запись и при первом же прослушивании начал въезжать, насколько же это здорово /или здорово/. Было что-то вроде первого впечатления от Майка – та же гениальность простоты, мудрость житейски-рационального взгляда. Да и от музыкальной стороны можно было приторчать во весь полный рост: породистый ритм-энд-блюз роллингстоунзовского пошиба круто замешан с эстрадными-хулиганскими* мотивчиками, а шелест тарелок, создающий какую-то негустую, неощутимую завесу, и работа двух гитар, делали звук группы похожим на "НАЗАРЕТ". На февральском сейшене /первом в Москве/ всех очаровала накладка на плече гитариста-балалаечника Бегунова, из-под козырька картуза лидера группы очень гармонично выглядывал его одухотворенный нос, а голос его удачно оттенял высокохудожественный визгливо-приблатненный бэкинг-вокал. Но ладно, чтобы не сбиваться в нечленораздельные восторги, я лирически отступаю.

* "громко петь" рядом с "пить, матюкаться и курить"

Существует тезис: рок – это фольклор наших дней. Существует поправка к тезису – он лишь имеет корни в фольклоре, фольклорное происхождение, а плоды – продукты его есть явления высокой культуры /вроде Гомера – он ведь тоже выпал в осадок реки Леты из офигенного множества древнегреческих акынов/. Существует и сужение поправки – мол, не во всяком фольклоре рок имеет корни, а лишь в более-менее молодежном, более-менее прогрессивном, более-менее интеллигентском. Вот тут-то, где сужается поправка, и зарыта собака /очень похожая на ту, которая была у попа/, тут-то все силлогизмы и упираются в неразрешимый на метафизическом уровне вопрос: какая связь между умом и интеллектуальностью, кто умнее – народ или интеллигенты? Напрашивается пара альтернативных "антидиалектических" ответов: № 1. Все прогрессивное появляется в среде вторых, а потом распространяется среди "урлы" /явления рок-культуры, общемировоззренческие установки, политические взгляды и пр./ № 2. Все прогрессивное появляется от плохой жизни, т.е. в народе /политические анекдоты, критичность по отношению к псевдоинтеллектуализму "элитарного ритуала"*, ИТД – "нетрудовые доходы" и т.д./

* "Салоны, я так люблю салоны", или даже: "Я в концертный зал попала, слушала Бетховена!.."

"Наша дура – рок-культура" всю жизнь была правдоискательницей, и "диалектику проходила не по Гегелю", поэтому относительность /привязанность к конкретному времени и обстоятельствам/ истины признается "всеми не-козлами от рок-музыки". То, что недавно было критерием рока, сегодня критерий чего-то противоположного, и никто не застрахован от того, что в некий момент он прорубит фишку и не будет верить уже одряхлевшим БоГам. Сейчас кто-то все еще бросает вызов стандартам эфира, в котором "одна дребедень", а кто-то уже бросает ему: "Приходи ко мне ночью,

будем слушать Маяк!" Одним словом, отрицание на отрицании сидит, и, во имя прогресса, погоняет его чем только может. Впрочем, одна святыня выдерживает все испытания временем – каждый второй /как минимум/, рокер объясняется в любви какому-нибудь спиртному напитку. ЧАЙ-Ф тоже поет: "... Пивной ларек, всегда со мной полиэтиленовый мешок... Пиво пей!", но у них алкогольное эпикурейство выглядит намного естественнее, чем у многих других, потому что они говорят прямо:

"Мы простые советские бичи!" и не лезут в богему, где кастовый бон тон требует бывать временами благородно-пьяным. Когда Шахрин нарочито бравировует употреблением "напитка, который не хочет трескаться проклятая буржуйская кинозвезда", ощущаются традиции пролетариев, чьи отцы и дедушки были панками.

Или еще один пример "утилитарно-приземленной" позиции свердловчан: их отношение к природе. Они, например, игнорируют многие существующие штампы эксплуатации ее, как выразительного фона, потому что это – романтика, самообман и подражательность, имеющая мало отношения к реальностям жизни. Природа – не храм, "а натуральные березы – ой, да в бане веники!", одна из радостей жизни наряду с "кафельной ванной и искусственным загаром". И в то же время: "религия завтрашних дней – ласковый ветер с теплых морей", – если понадобится, то Шахрин выразит свою мысль и этим путем, концепция – не догма.

То, что он во многом перекликается с Майком, заметно невооруженным глазом /"понял я, что любит он ЗООПАРК"/, можно провести тысячу параллелей, и поэтому меня интересует различие между ними: суть его в том, что Шахрин на порядок более демократичен, причем свою "лоховатость" – среднетипичность он всячески подчеркивает. Если, к примеру, Майк стебал "гуру из Бобруйска" "сверху" /с позиции более интеллигентного человека/ за вульгаризацию и профанацию модных восточных "заморочек", то Володя смотрит на них с недоумением "снизу":

"... А кругом читают "Дао" -Что творится, мужики? А мы вдыхаем вольный ветер У обычной у реки*

И пока мы не в Шанхае Нам все это не с руки."

* др. вариант – "у вонючей, у реки". Ср. с глубоко символическими гребенщиковскими речками – ну, где глубже?

"Демократизация" творчества здесь на уровне Шевчука и Чистякова.

Мне хотелось бы их втроем рядом поставить еще по одному признаку: у них, в отличие от московских "антигероев" ДК-ВК и др., явно видна идентификация образа и человека, явно все исходит от первого лица. Это вовсе не значит, что на такое отождествление рассчитаны абсолютно все песни – используются приемы из сатирического изображения /например, дружеский шарж на металлистов/. В одной из вещей /"Я – правильный мальчик", кажется/ даже поется:

Меня знакомят: "Вот Шахрин Вова"
От него я узнаю, что он простой работяга
И в детстве был привод
На хрена он мне – от ворот поворот.

Но у того же Шевчука куча подобных "стебаловок" /"Пост интеллигент", "Хипаны" и пр./, тем не менее, в обоих случаях авторское лицо не теряется, видно не только, кого и за что стебют, но и кто и почему стебет. Короче говоря, они близки тем, кто дают нам нового, народного, "незатейливого" героя. Можно условно представить три основных вектора направленности любого рок-творчества: наличность, народность и политичность. Схема, конечно, жутко грубая, но местами может дать ряд интересных наблюдений; подробно об этом как-нибудь в другой раз, а пока замечу, что наши герои наибольших величин достигли по первым двум векторам. Как и любая сколько-нибудь ценная в творческом отношении группа, ЧАЙ-Ф интересен своими личными особенностями, своей непохожестью, словом тем, чем он, собственно, и выделяется из вида. Так, по идее и должно быть: люди-то разные живут рядом с нами, а не некие безликие "совки – рашн медведи". В отличие от ДДТ /более спокойного, философичного по сути, более широкого по оттенкам/, ЧАЙ-Ф уже, спрессованнее, целенаправленнее, концептуальнее, агрессивнее. Эффект эпатажа вульгарностью поэтому значительно усилен: один мой знакомый мажор, лояльный к НОЛЮ, оскорбленно возмущался разудалым Шахриным: "Гей, гей, мол, славяне, и дерьмо с гиканьем кидать", /я подумал: "Значит, заело", и посоветовал: "Освежись аэрозолью"/. Бесшабашная веселость, лихость, атакующий стиль игры, непринужденное поведение на сцене, в общем-то, глубоко свойственны рок-н-роллу, но у ЧАЙ-Фа они уникально и органично уживаются с самолюбованием. Добавьте сюда еще самоиронию – получится очень точный, колоритный и обаятельный образ. "Нам завидуют мужья-рогачи" – по-детски победоносно поет Володя. Тем не менее, мы видим, что это взрослый неглупый человек; в чем же дело? А дело в том, что так самоутверждается на сцене новый герой. Причем именно потому, что он не восторженный мальчик, а взрослый матерый мужик, он и напорист, и не ищет опоры где-то на стороне /для него "шрамы на собственной шкуре" – вполне самодостаточная сущность, "... еще не били мордой об асфальт"/, и знает "что – почем" цена его эгоизма /"мы – последняя шваль"/ и цена чужой добродетели /"но если ты лучше, то скажи..."/. Именно потому, что неглуп он и ироничен, и сделал многие полезные выводы для себя, и уверен в своих решениях, привыкнув мыслить для действия, а не для развлечения.

В каком-то фильме про революцию жандарм, предчувствуя конец, жаловался: "Раньше шел политический интеллигент, а теперь политический мужик идет", – в рок-н-ролле тоже пошел мужик, появился ЧАЙ-Ф! До этого "ребята от сохи" в той или иной степени подстраивались под выработанные "образованными грамотеями" стереотипы: – получалось смешно и грустно, как исполнение в деревенском

самодетельном театре ролей герцогов и кораблей; ныне же Чайфовцы являются первыми "сознательными выразителями пролетарской идеологии в период развитого социализма", идеологии тех простых людей, которые научились смотреть дальше лозунга "Решения XXVI съезда КПСС – в жизнь!" на вино-водочном гастрономе.

"И их появление весьма неслучайно". Шахрин стал "антисоветчиком", отказавшись голосовать на выборах, после того, как сам побыл "на должности" и увидел, что реальной власти у местного Совета, мягко выражаясь, маловато. "Пришли обсуждать, а уже все и так готово: отпечатана резолюция, и даже с поправками в ходе дискуссии", – повествовал он о своем депутатстве. В ходе разговора выяснились и другие важные моменты из жизни "идолов рок-н-ролла", например, о своем воспитании Володя спокойно сказал: "Мои родители – не интеллигенты. И рос я в среде обыкновенных людей, которые не знают всей прелести умения отличать Ницше от Фрейда". В то же время эта среда не так уж страшна -Бегунов потом говорил о своих взаимоотношениях с соседями по лестничной площадке: "Знаем друг друга, как облупленных, доверие полное. Я к ним дверь ногой открываю, они ко мне тоже, как к себе домой в гости ходим." И рядом с такой идиллией соседствует довольно сердитый рассказ о их основной работе: "Восемь лет корячился на стройке из-за квартиры. Вот о чем писать надо: работа – как на каторге, особенно зимой. Кто не знает, тот не представит, в каких тюремных условиях работяги пашут!" Понятно, что в таком свете вопросы "что делать" и "кто виноват" имеют несправедливый характер, понятно, что и "песни, лишённые смысла" и "стихи о чистой любви" вызывают у них не тонкую иронию, а резкое неприятие.

Теперь Чайфы, правда, поувольнялись с работы и выступают от созданного НАУТИЛУСОМ П-СОМ кооператива. Такое положение дел можно только приветствовать, если бы не "но..."

Деньги – это мусор, деньги – это хлам

НО И

Деньги – это то, что так нужно нам.

/попахивает цыганщиной, но в авторском исполнении звучит хорошо/, а заработали они всего-навсего 1000 /тысячу/ рублей. И это несмотря на ряд унижительных компромиссов, повергших в уныние многих старых преданных фэнов? Не хочу распространяться на тему их неаккуратного вступления в связь с официозным шоу-бизнесом, все это элементарно неприятно, сами музыканты склонны оправдывать это необходимостью завести приличный аппарат и др. уважительными причинами. Показанная по ТВ песня "Где вы, где" /далеко не лучшая/ теперь вызывает на концертах наибольшие восторги – вот он, феномен влияния "масс медиа", но вряд ли вскакивающие под нее "ороковевшие" мальчишки будут врубаться в ЧАЙ-Ф. У Н.

Грахова /председателя свердловского рок-клуба/ есть обнадеживающая меня теория, что сам образ группы, ее творческое лицо, в отличие, скажем, от Н.П., предполагают довольно подготовленную аудиторию, поэтому скоро "жизнь покажет, жизнь научит", что старый фэн – лучше новых двух, и они вернутся в родную стихию. В частности, во дворце спорта "Динамо" Шахрину было неудобно общаться с залом: его, привыкшего идти на слушателей грудью напролом, несколько обескураживали уходящие по бокам в высоту трибуны. Как бы то ни было, на сегодняшний день ЧАЙ-Ф остается одной из самых сильных отечественных групп.

И еще: у свердловчан есть пара песен, которые выходят за рамки общего имиджа. Надломленно-проникновенная фраза "Что для вас свято?" гораздо естественней смотрелась бы в устах Бутусова, но отнюдь не Шадрина. Многие их спокойные, нежесткие лирические вещи находятся на грани других, более стандартных образов рок-героев, но сила индивидуальности, необычности Володи такова, что грань эта никоим образом не переходится, а только добавляются к нему новые черты, нормальные человеческие "слабости", а вот 1-2 вещи у них, на мой взгляд, очень "не в жилу" и "не по теме". Самое странное, что музыканты, судя по всему, так не считают и исполняют их при каждом удобном случае. Я не хочу уподобляться раппавским критикам, поучавшим литераторов, что и как им нужно писать; может быть, через некоторое время гадкие утята разовьются в нечто небывалое, а для остального наступит эпоха лебединых песен, но сейчас у довольно многих компетентных людей они вызывают только недоумение. ЧАЙ-Фовские старые акустические альбомы /"Волна простоты" и "Жизнь в розовом дыму"/ очень интересны и в ретроспективном прослушивании, нынешняя их акустика – тоже отдельный своеобразный мир, хотя они не уделяют ей особого внимания, но как ни странно, концепция ЧАЙ-Фа в них прослеживается довольно четко, хотя "живые" инструменты и настраивают на "нешахринскую" тему. Но и в таком и в электрическом звучании группа хороша, невзирая на "проколы" патетических песен.

В любом случае я призываю читателей УР ЛАЙТА с большим тщанием отнестись к творчеству этой великолепной группы.

ЕГОР ЛЕТОВ: ОДИНОЧКИ ОПАСНЕЕ ДЛЯ СОЦИУМА, ЧЕМ ЦЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ...

02.12.88, Москва, туркомплекс «Измайлово»

ВОПРОС: Что такое рок?

ОТВЕТ: Рок по сути — не музыка и не искусство, а некоторое религиозное действо — по типу шаманизма — которое существует, дабы утвердить определенную установку. Человек занимающийся роком, постигает жизнь, но не через утверждение, а через разрушение, через смерть. Шаманство здесь ритм, на который накладывается импровизация. И чем больше шаманства, тем больше рока. И, наоборот, если над шаманством начинает преобладать искусство, музыка — то рок умирает.

В: Если таким образом рассмотреть историю мирового рока?

О: Получается несколько ветвей. Рок изначально — животная музыка, форма потока сознания. Сначала рок-н-ролл, затем — психоделия 60-х: THE DOORS, GRATEFUL DEAD, JEFFERSON AIRPLANE — из них вышел фактически весь панк и пост-панк. За психоделией начинается момент осмысления, формализации — KING CRIMSON, GENESIS и др. — рок умирает. Эта линия достигла пика к середине 70-х, и в результате — как протест — появляется американский панк — RAMONES, N.Y. DOOLS и так далее. В основном все это возглавили люди, которые были задействованы в той же психоделии 60-х — Игги Поп, Патти Смит. И здесь нужно выдвинуть тезис: то, что общество не может уничтожить, оно хочет съесть. Так же все происходит с панком в Англии. И не только с панком.

В: Другими словами, Англия постоянно эстетизирует американские первичные грубо-примитивные рок-импульсы? То же самое в хард-роке: в Америке IRON BUTTERLY, GRAND FUNK — особенно ранний, в Англии — DEEP PURPLE, LED ZEPPELIN...

О: Тут дело даже скорее не в Англии, а в природе людей, которые живут везде. Если исходить из Достоевского, то с роком все получается так: на каком-то этапе у Гессе появилась статья «Братья Карамазовы и Закат Европы». В ней был высказан тезис: Достоевский — первый пророк некоего движения, четкого движения, согласно которому человечество делится на два типа: потенциальные самоубийцы (люди, у которых во главе угла своеволие, которые не боятся смерти — «нелюди») и все остальные. Рок в настоящем виде — массовое движение «нелюдей», в нем человек — человек только внешне, а по сути — сумасшедший. То, что сейчас происходит в мире — своего рода критическая ситуация: энтропия растет, и назревает апокалиптический момент, после которого либо выживут «нелюди», либо — наоборот. Потом еще такой момент: если раньше все это носило понятие моды (в рок вливались массы людей, которые, по сути, отношения к движению не имели), то сейчас все это стало на свои места. И оказалось, что «нелюдей» очень мало. И еще относительно рока: он в общем-то умер — сделал все, что было надо. Сейчас остались только одиночки, которые у нас часто даже не знают друг друга, но они опаснее для социума, чем целое движение. И

общество борется с этими одиночками — фестивалем, например, который Комарова устроила. Все фестивали уничтожают то, что было создано человеком в борьбе с самим собой.

В: А почему вы, тем не менее, захотели участвовать в этом фестивале?

О: Все, что остается человеку рока — это проявлять свою сущность, природу. Все, что может «нечеловек» — это быть «нечеловеком». Нужно понимать, что война проиграна, и быть верным своей природе — тем не менее. А природа толкает играть — причем не важно, воспримут это все или не воспримут... Во всем этом фестивале есть большой элемент попса. И, наверно, я больше на таких фестивалях играть не буду — только в залах где-нибудь на сто человек — своих, которые чувствуют все правильно. Я смотрел в этом фестивале концерт ВОПЛИ ВИДОПЛЯСОВА — великая команда, а по-настоящему понимают ее единицы.

В: Как бы ты хотел существовать, чтобы это не вызывало у тебя внутреннего протеста?

О: Заниматься здесь, в этой реальности творчеством, утверждая свою правду, свою истину, свою систему ценностей. Если цитировать ИНСТРУКЦИЮ ПО ВЫЖИВАНИЮ — свой рок-н-ролльный фронт, в котором каждый на своем месте — Моррисон, Рома Неумоев и прочие.

В: В начале нашего разговора ты сказал, что рок-человек постигает жизнь через смерть. Какая здесь складывается система ценностей?

О: В моем понимании рок — это движение античеловеческое, антигуманистическое, — некая форма изживания из себя человека как психологически жизнеспособной системы. Человек — это существо, которое наделено логическим сознанием — и в силу этого не может жить ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. Поэтому он погружен в прошлое или в будущее. ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС живут только дети.

В: То есть позитив здесь таков: рок и особенно панк утверждает человека — точнее, «нечеловека» — ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

О: Да. Если появляется абсолютное знание, человек уже не может жить. Его или трамвай задавит, или еще чего-нибудь. И если «человеческое» искусство утверждает жизнь — продление рода и т. п., то рок утверждает самоуничтожение — как некий путь к Богу, высшее познание. Отсюда — особая школа добродетелей: в частности, ненависть к «человеку» в себе.

В: Панк в России имеет особую форму, миссию?

О: Панка в России нет. Панк у нас — атрибутика. Как на этом фестивале: всюду ходят огромные толпы людей с гребнями и пр., а сути — нет... Когда я говорил с людьми из тюменского общества «Память», они заявили, что по их мнению, все крупное и духовное рождается в России. На самом деле у нас единого движения нет и быть не может. Есть единицы — ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА, ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ, ПУТТИ, ДК — причем они друг друга могут и ненавидеть. На Западе действительно существует реальное единое движение, а у нас все обычно болтается на уровне символики.

В: Твое отношение к Свинье?

О: Очень плохое. Это как раз типичный представитель «человека». Рок — это когда все до конца: живет — так живет, нет — так нет. А Свинья — наоборот: вроде бы живет, а вроде бы и нет... Рокер — чрезмерно живой человек в мысли ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС — как ребенок или зверь. В этом плане замечателен Коля Рок-н-Ролл — он может сегодня говорить, что — правый, завтра — что он левый, а когда выходит на сцену, он способен полоснуть себя бритвой — так, что кровь потечет — если почувствует, что в эту секунду это нужно. Он совершенно вне рассудка, вне инстинкта самосохранения.

В: Как в этом аспекте соотносятся панк и пост-панк? И кого бы ты к ним отнес?

О: Панк — EXPLOITED, GBH, UK SUBS, SEX PISTOLS, у нас — ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ, ВТОРОЙ ЭШЕЛОН, мы, Манагер, АНАРХИЯ, новосибирские ПИЩЕВЫЕ ОТХОДЫ, ПИГМЕИ, ПОГО. Пост-панк — BIRTHDAY PARTY, SIOUXSIE & THE BANSHEES, CURE, ECHO & THE BUNNYMEN, у нас — ВЕЛИКИЕ ОКТЯБРИ, т.е. Янка и ее группа. Тут такой момент: если панк состоит из действительно естественных, животных инстинктов, то пост-панк — это люди, которые поняли, что они не могут жить ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. А хотелось бы. Поэтому пост-панк — это музыка очень больная.

В: Что ты думаешь о БГ?

О: В общем-то умный человек. Но, зачем снимать? Конечно, хорошо для совдепа тиражировать Болана, Моррисона, но ведь иной раз — чистые подстрочники, и музыка — ноль. «Сергей Ильич», например, снят с «Cat Black» T.REX вчистую. А то, что он делает сейчас, мне вообще совершенно не нравится.

В: Петя Мамонов?

О: ЗВУКИ МУ мне нравились, но когда я стал говорить с Мамоновым, то очень обломался. Он сразу понял, что я имею ввиду и ответил так: есть некие рамки человеческого, и что за ними лежит, человеку знать не дано. За ними — агония, депрессия (JOY DIVISION, THE DOORS). И это плохо. Нужно

быть счастливым в человеческих рамках и за них не вылезать. За выход за рамки платишь смертью. JOY DIVISION — нечеловеческое — и поэтому это нехорошо. А Пушкин — человеческое — хорошо.

В: Очень похоже на Липницкого... Как тебе, кстати, его труды?

О: Это ужас. Русский рок пошел от Галича — это ужас... ЗВУКИ МУ вообще, мне кажется, довольно мелкая группа — скажем, в сравнении с ДК. ДК — это действительно нечто выдающееся.

В: А ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ?

О: В общем — нравятся. Хотя они академичнее ДК, это уже шаг в сторону музыки.

В: Как правильнее осуществлять идею «неискусства» в роке: через атональность или через динамически-примитивный рок-н-ролл?

О: Все равно... Хотя вообще говоря, нужна свобода, а в атональности ее больше. Есть свобода слажать, например, и поэтому нет страха слажать.

В: Но атональность хороша, наверное, как импульс внутри художника. А рок-аудиторию, быть может, скорее раскачал бы сильный драйв?

О: Христос говорил: имеющий уши, да услышит. Кто слышит соль атональности, тот ее и слышит. Двери ее восприятия для него открыты.

В: А какую тогда роль играет драйв?

О: Абсолютную.

В: А атональность его не разрушает?

О: Нет. Атональность-то и дает драйв. Например, EINSTURZENDE NEUBAUTEN.

В: Лучший альбом ГО?

О: Тривиально: мне кажется, что лучшее — впереди. Сейчас в Ленинграде мы будем записывать новый альбом Армагеддон-попс — судя по материалу, будет, наверное, самый сильный. А из тех, что уже записаны, лучший, наверное, — Мышеловка. Наивный, но очень живой. Дальше у ГО какой-то мрак начинается.

В: Маркузе нравится?

О: Очень нравится. Но он — странный человек: писал, писал, а

потом в последней работе вдруг сказал: все, что я раньше писал — это поебень все. Философ, что сделаешь... Наверное столкнулся с маем 68-го и испугался.

В: Почему центром притяжения нашего панка стала Сибирь и особенно Новосибирск?

О: Не знаю... Наверное, такое объяснение: европейский человек (Москва, Ленинград) в основе своей всегда либо сноб, либо попсовик. А в Новосибирске был Академгородок такой. И там власти где-то в середине 60-х решили провести эксперимент: что будет, если взять всех вундеркиндов и свезти в одно место. И получилось: сразу все стали писать в защиту Синявского, женщины вставали с плакатами за секс и т. д. И потом: может быть, от сибирской наивности там движение с самого начала воспринималось не как модная атрибутика, а как идея.

В: А в Москве, Ленинграде слишком много логики?

О: Здесь важна даже не логика, а просто внешний момент. Это просто очень «человеческие» города и поэтому в мировоззрение их населения вмешивается много «человеческих» дел. Когда живется слишком хорошо, всегда начинаешь неумно хвататься за «человеческое». А сибирскому человеку терять, в общем, нечего.

THE THING

I. За что боролись, на то и напоролись.

Ах, сколько лет люди, связанные с самым молодым жанром советского искусства – рок-музыкой – бились лбом о дикую, средневековую систему гастрольно-концертной деятельности, установленную в нашей стране в недоброй памяти 30-е годы! Посягая на самый святой для мафиозно-чиновничьих кланов "принцип" – на большой кусок хлеба с икрой – музыканты и независимые менеджеры рисковали не только положением в обществе, но и свободой /точно так же, как и те узбекские колхозники, которые осмеливались выступить против Адылова/. И вот, кажется, лёд тронулся: право петь со сцены всё, кроме того, что прямо запрещено законом, прямые договорные отношения между музыкантами и теми, кто заказывает их музыку, оплата по труду /а не по какой-то "тарификации", устанавливаемой по благу иди за взятку/ – всё это уже не сон Веры Павловны, а объективная реальность, данная нам в повседневном ощущении – достаточно взглянуть на рекламу театральных касс. Прекрасно, что настоящий рок: ДДТ, АЛИСА, ЦЕМЕНТ, ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ, НОЛЬ и пр. доступен теперь не только в "магнитофонном", но и в "пивом" исполнении самой широкой аудитории, которую до сих пор

телевидение и Филармонии кормили суррогатами. Но у медали, которой можно торжественно награждать победителей, есть и обратная сторона: договорная цена рок-групп /плата за выступление/ возросла только с весны по осень 88 г. примерно в 5 раз. Что происходит с ценами на билеты, догадайтесь сами – соответственно, среди молодых рок-фанов растет раздражение, в том числе и против музыкантов: они поют нам о высоких идеалах, о солидарности, о Боге, а сами какому богу служат? Мамоне?

Другая сцена из уличного театра эпохи перестройки и гласности уже стала хрестоматийным примером. Помнится, года три назад мой друг-путешественник рассказывал, что в частных ресторанах Китая предлагают на выбор сорок разновидностей одних только супов. И вот наша перестройка вышла на те же рубежи. Но при всем моем умозрительном почтении к свободной коммерции за два года существования независимого "общепита" услугами его мне довелось попользоваться от силы пару раз: и не могу сказать, что рассыпающийся в руках брикет из самой дешевой бакалеи, гордо именуемый "медовым казнаком" и оцененный в полтинник, очень меня вдохновил.

За подобными ситуациями /заметьте, что я не касаюсь уж вовсе неприличных, типа повременной оплаты телефона под видом "хозрасчета" связистов/ прослеживается определенная тенденция. А именно: хозяйственные механизмы, основанные вроде бы на объективных законах экономики и многократно доказавшие свою эффективность на всех широтах от мыса Горн до Шпицбергена, на нашей почве почему-то сплошь и рядом приносят дорогие и невкусные плоды. И количество частных разочарований по этому поводу легко может перейти в качество общей апатии – "а, что при Брежнев дурачили народ, что сейчас, одно и то же".

Задача частного исследователя в этой критической ситуации заключается, по-видимому, в том, чтобы, во-первых, освободить собственное сознание от всякой мифологической шелухи – от которой, как это ни печально, не свободен ни один, даже самый передовой человек, если он обучался в нашей школе и читал кастрированные нашей цензурой книжки – и попробовать разобраться в сути болезненных противоречий эпохи перестройки, в их исторических корнях и соответственно – в способах купирования их негативных последствий. Желательно как можно скорее вооружить социальных практиков реальным знанием, критерием оценки складывающихся ситуаций /"что такое хорошо и что такое плохо"/ и научными программами действий – ибо сегодня большинство этих практиков в меру своих артистических способностей стараются скрыть глубокую растерянность перед оживающим на глазах Спящим королевством, которым, оказывается, надо еще как-то управлять. Кстати, я имею в виду не только официальных функционеров – издатели журнала "Экспресс-хроника" и президенты рок-клубов, как показывает опыт, ориентируются в ситуации не лучше, чем секретари райкомов и начальники управлений. И это все желательно сделать до того, как старая брежневская бюрократия и

националистические группировки сумеют объединить и повести за собой против перестройки наиболее темные и отсталые слои народа, напуганные первым же столкновением с цивилизацией до такой степени, чтобы искать спасения в своей "исконной" отсталости, нищете и порабощении. Потому что в случае, если этот "блок Ада" станет политической реальностью, будет очень и очень трудно избежать развития событий по "иранскому" пути – "назад в средневековье".

II. Потерянная глава

Китайский император Цинь Шихуан, придя к власти, распорядился закопать живыми в землю всех учёных. Для его советского последователя аналогичная работа растянулась на десятилетия: он истреблял реальное знание и его носителей методично, дисциплину за дисциплиной. Этапы истребления именовались "дискуссиями" – "аграрная дискуссия", завершившаяся убийством Чаянова и его единомышленников, "дискуссия" на сессии ВАСХНИЛ 1948 г., "дискуссия по языкознанию"... Впрочем, об этих трагических событиях наша печать за два года расширяющейся гласности рассказала достаточно подробно. Но вот что странно: до сих пор остается в тени так называемая "социологическая дискуссия" или /что будет точнее/ – дискуссия об общественно-экономических формациях 1928-1935 годов. Хотя по своим разрушительным последствиям эта операция не уступает кампаниям против генетики и кибернетики. "Историческое значение дискуссий конца 20-х – начала 30-х годов, – с нескрываемым умилением сообщает историк В.Н.Никифоров, – состоит в том, что изучение прошлого получило прочную марксистскую базу в виде принятого всеми советскими учеными /выд. – ИС/ учения об общественно-экономических формациях".¹

¹ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977, с.182.

Если перевести подобные заявления на нормальный человеческий язык, получится, что именно в эти годы – в годы, когда происходит формирование политической системы сталинизма – была сломана складывавшаяся столетиями методология научного исследования общества и появился на свет наш старый знакомый "Исторический материализм", то есть то самое хитросплетение цитат и ключевых заклинаний типа "дальнейшего обострения классово-борьбы", которое с тех пор зазубривали в школе поколения советских людей. Многие из них уже не представляют себе, что существует какая-то другая, живая историческая наука.

Плохо не то, что у нас присваивались ученые степени за диссертации "Роль комсомола в развитии хлопководства и социалистической демократии в Узбекистане в 1970-1982 годах" – то есть это, конечно, плохо, и еще хуже то, что добрая половина наших нынешних доцентов и профессоров именно через эти двери вошла в науку – но это еще полбеды. Полторы беды – то, что наука об обществе – прошлом и современном –

оказалась заведомо порочной в самой своей основе. Фактически она перестала быть наукой и обернулась по большей части винегретом из примитивной религии и бесчестной политики.

Отступление: о слове "идеология".

Меня давно занимает вопрос о том, что понимают у нас под "идеологией". Если идеология научна, то это и есть наука – зачем придумывать для одного предмета два разных наименования. Если же идеология содержит еще что-то, что научно не обосновано, но тем не менее должно приниматься на веру, то мы имеем дело с религией.

Что же конкретно было "принято всеми советскими учеными" в те самые годы, когда "все советские крестьяне" столь же единодушно приняли коллективизацию?

Квинтэссенция нового "учения об общественно-экономических формациях" – т.н. "пятичленная формула". Она гласит, что "конкретно во всемирной истории сменяли друг друга следующие пять формаций: первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм /первая стадия коммунизма/"¹.

¹Никифоров В.Н. Ук. соч.,с.5.

Не правда ли, аксиома, известная с 4-го класса и неопровержимая, как ... хочется сказать – как наследование приобретенных признаков. Ибо результаты конкретных исследований /а в XX веке происходит стремительное накопление фактов по социально-экономической истории неевропейских стран/ настолько плохо вписываются в эту схему, что первую же возможность более-менее свободно обсуждать свой предмет, предоставленную историкам Н.С.Хрущевым, они использовали для штурма "пятичленной формулы". Впрочем, её вторая половина: "Капитализм-социализм-коммунизм" была слишком злободневна, чтобы позволять ученым её комментировать – поэтому огонь критики сосредоточился в основном на официальной трактовке древней и средневековой истории. И к концу 60-х гг. читатели специальных журналов узнали о прошлом человечества много нового по сравнению с теми, кто читал только учебники и популярную литературу.

II. Факты.

Во-первых, было обращено внимание на существование совершенно особого социально-экономического уклада, при котором государство как целое выступает в качестве всеобщего эксплуататора – впервые описанного на примере древне-азиатских деспотий и потому названного "азиатским способом производства" или "азиатской формацией". Азиатский способ

производства был хорошо известен еще Марксу, но при Сталине "забыт".

Второе. Рабовладение как определяющий уклад характерно только для античности, и то в определенные периоды – во всех остальных случаях утверждение о "рабовладельческом строе" достаточно безосновательно /скажем, Киевская Русь X в. куда более "рабовладельческая" страна, чем Древняя Индия или Китай/.

Третье. Для большинства неевропейских обществ "межевой столб" "революционного перехода" от рабовладельческого строя к феодальному может быть с равным основанием воздвигнут где угодно – в широчайшем промежутке от первобытности до капитализма: отсюда, например, ожесточенные догматические дискуссии между китайскими историками-марксистами, т.е. маоистами о том, когда Китай стал "феодальным": то ли при Западном Чжоу /с XI в. до н.э./, то ли в период Чуньцзу /V в. до н.э./, то ли при династии Хань /с 206 г. до н.э./. Поскольку никакого объективного критерия для выбора даты так и не было предложено, вопрос решился чисто административным путем /вполне в духе тогдашней китайской политической ситуации/ – прав оказался товарищ Го Можо, не только Президент Академии Наук, но и член ЦК.

Четвертое /и самое, пожалуй, важное для дальнейшего хода наших рассуждений/ – практически во всех обществах, уже выросших из первобытности, но еще не доросших до капитализма, в том или ином соотношении сосуществуют три общественно-экономических уклада:

рабовладение
эксплуатация зависимых, неполноправных
производителей /феодальный уклад/
централизованно-государственная
эксплуатация /т.н. "азиатский способ
производства"/¹

¹ Разбирая эти три уклада в своих знаменитых "Формах, предшествующих капиталистическому производству", К.Маркс выводит каждый из определенного типа общины: "античной", "германской" и наиболее консервативной – "азиатской". Просто удивительно, как наша "марксистская" наука не заметила столь важной работы своего основателя.

Соотношение их меняется с течением времени – и не обязательно в "прогрессивном" направлении – например, в сравнительно близкой нам средневековой России XVI века отмечается катастрофический сдвиг от вполне "цивилизованных" и "либеральных" форм эксплуатации лично свободных земледельцев к варварскому крепостничеству – соответственно, эти земледельцы превращаются из уважаемых "христиан" /крестьян/ в "рабов" /.../ и раб судьбу благословил..."/

Отступление 2. Чтобы читателю было понятнее,

какая живая реальность стоит за обрушиваемыми на его голову абстракциями: "социально-экономическими укладами", "способами производства" и прочими изобретениями ученого ума, возьмем два общества, весьма далеких друг от друга и географически и исторически: Древний Египет и Киевскую Русь.

В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ есть рабы /хотя их сравнительно немного и живут они порою "не хуже других" – имеют семью, надел земли в пользовании и пр./ – их называют "хему".

Есть сословие зависимых /от государства, храма или какого-либо лица/ работников – "мерет" и "джет".

И есть, наконец, лично свободные – насколько вообще к подобному обществу применимо понятие свободы – производители, объединенные в общины.

А стержень социально-экономической структуры составляет мощный царско-храмовый централизованный хозяйственный комплекс плюс развитая система фиска – налогообложения /египетская община – это, в сущности, не столько крестьянское самоуправление, сколько нижнее звено государственной машины по сбору налогов/; плюс "рабочие отряды" для временного принудительного труда на важных объектах, к которому привлекаются различные категории населения, в том числе и "свободного" /наиболее известный пример – строительство пирамид/.

В КИЕВСКОЙ РУСИ мы встречаем "челядь"

– рабов /позднее появляется еще и термин "холопы", и ученые до сих пор спорят, насколько совпадают эти понятия/; "смердов"

– "княжьих людей", то есть государственных крепостных и частно-зависимых "закупов" и, наконец, "мужей" – общинников.

Молодое государство существует за счет дани, военной добычи и княжеского хозяйства, представленного поначалу немногочисленными промысловыми базами /промысел бобров, бортничество/ и расширяющегося по мере умножения числа "смердов".

Как видите, налицо все три уклада: "рабовладельческий", "феодальный" и "государственный" /"азиатский способ производства"/ – и нетрудно заметить также и то, что Древний Египет – общество значительно более "огосударствленное", соответственно и различия между социальными категориями трудящегося населения там сглажены: египетского раба и крестьянина-общинника считают "головами" – они одинаково бесправны перед лицом учреждения, чье название египтолог И.А.Стучевский переводит на современный русский язык как "Ведомство поставщика людей".¹ Древнерусский челядин, напротив, раб в полном, античном смысле слова /он равен вещи, скотине/ – но зато и древнерусские общинники – действительно "люди", "мужи".

¹ Стучевский И.А. Зависимое население Древнего Египта. И., 1966, с.20

Не случайно и то, что слово "смерд", обозначающее лично зависимого, неполноправного человека, становится на Руси бранным.

Итак, "материалистическая историография" подверглась сокрушительной критике в те же годы, что и "материалистическая биология" по Лысенко – однако, оказалась не в пример устойчивее своей единоутробной сестры. В учебниках и Древний Египет, и даже Древний Китай, как были, так и остались "рабовладельческими" – более того, в 70-е годы и в научных учреждениях начинается процесс "одержания" /воспользуемся прекрасным термином братьев Стругацких/, свидетельством чего может служить цитируемая нами выше объемистая монография В.Н. Никифорова. "Пятичленная формула" верна, и всякие дальнейшие дискуссии на эту тему бесполезны – вот точка зрения, которая становится официальной /хотя, слава Богу, не выражается в оргвыводах, характерных для 30-х годов и оставляет "свободомыслящим" возможность не только продолжать научную деятельность, но и время от времени публиковать ее результаты в каких-нибудь сугубо специальных и абсолютно непонятных простому советскому человеку сборниках и монографиях/.

Читатель может заметить, что история -все-таки более "идеологическая" наука, чем биология. Что ж – и Сталину, и Брежневу нужна была предельно догматичная /то есть как можно меньше связанная с реальными фактами/ и послушная история, готовая оправдать и договор Молотова-Риббентропа /как нам тогда авторитетно объяснили, польское независимое государство просто нежизнеспособно, а его территория составляет "зону интересов" Германии/ и

наследственную монархию в "коммунистической" Северной Корее, и вообще все, что начальство прикажет, но так ли уж актуален был вопрос о том, кто строил пирамиду Хеопса: рабы или общинники, в эпоху строительства Беломорканала и БАМа?

Был актуален! Вовсе не случайно бюрократия при Брежневке подтвердила правильность сталинского выбора "пятичленной" исторической науки перед всякой другой, и руководствовалась она при этом, по моему глубокому убеждению, отнюдь не только кастовыми интересами тех профессоров и академиков, которые защитили диссертации на рабовладельческо-феодальной схоластике – профессора и академики могли тысячу раз перестроиться и нанизывать цитаты на любую другую схему. Может быть, ничего не понимая в существе проблем: чем там отличается Инь от Чжоу, а Шумер от Аккада, черт их разберет – идеологические работники, определявшие результат любой дискуссии еще до ее начала, непогрешимым классовым чутьем чувствовали, что крах "пятичленной формулы" подтолкнет советскую историческую науку /а не дай Бог -еще и разбуженные "оттепелью" умы "простецов"¹/ в самом нежелательном направлении.

¹ Так на Руси называли мирян – в противоположность ученым клирикам. Право толковать Писание /в пределах установленных догматов/ принадлежало, естественно, последним.

Вообще мне кажется, что почти во всех действиях тоталитарных режимов, в том числе и в совершенно, на наш взгляд, абсурдных, скрывается своя внутренняя логика, а не просто алая воля или тем паче психическая патология правящих вождей. Понять эту логику – значит, найти "сердце спрута".

III. Альтернатива.

В отличие от сторонников официальной схемы, ее критики не имели единой для "всех советских ученых" концепции древней и средневековой истории /что представляется естественным для научного сообщества: это все-таки не рота солдат на плацу/. Но при всем разнообразии предлагаемых моделей: "феодализм в древности", "АСП как первоначальная архаичная формация", "смешанное общество" и т.д. – этих моделей на самом деле не меньше, чем изучаемых обществ, ибо ни одно из них не повторяет другие – они, тем не менее, сходятся в одной точке.

Если формула: "первобытнообщинный строй" – "рабовладельческий строй" – "феодальный строй" – "капиталистический строй" неверна, а рабовладение и феодализм вовсе не составляют фатально predetermined законов развития последовательности формаций, а напротив: самым странным образом переплетаются и между собой, и с третьим, вовсе подозрительным, "азиатским" укладом /в

котором частной собственности нет, а эксплуатация человека человеком есть! – тогда вся докапиталистическая история цивилизации обретает некоторую цельность и монолитность, и изучая ее извилистые пути, мы невольно задаемся вопросами:

Во-первых, не лежит ли нечто общее в основе всех трех древних общественно-экономических укладов?

Во-вторых, в чем заключается революционная роль капитализма – не только по отношению к феодализму, но и по отношению ко всей докапиталистической истории человечества? /иными словами, чем принципиально отличается капиталистический уклад от трех, нам уже известных/

Отступление 3. Кстати – хоть это и не имеет прямого отношения к теме – "первобытнообщинный строй" представляет собой такую же умозрительную фикцию, как и строй рабовладельческий. До-история¹ человечества четко разделяется пополам так называемой "неолитической революцией" – в ходе этой революции хозяйство присваивающее /т.е. охота и собирательство/ сменяется хозяйством производящим /т.е. земледелием и скотоводством/. Разница между палеолитом /древнекаменным веком/ и неолитом гораздо существеннее, чем, например, между капитализмом и социализмом. Здесь впервые появляется избыток материальных благ – основа всяческого прогресса, и развитие общества колоссальным образом ускоряется. Наверное, не лишне будет заметить, что неолитическая революция – это не драматический момент штурма пещеры /где засели сторонники реакционного палеолита/ и даже не пять лет ожесточенной войны двух племен – это цапая эпоха в истории человечества, равно как любой другой действительно принципиальный социальный переворот. Французский народ готовился к взятию Бастилии как минимум полтысячелетия, и еще сто лет закреплялся на завоеванных рубежах. И не думаю, что переход к следующему способу производства должен происходить каким-то иным образом.

¹ Согласно принятой на Западе периодизации, "история" начинается с изобретения письменности, появления городов и государства. Предшествующая эпоха именуется "доисторической".

IV. Сердце спрута.

Главное, что объединяет все три описанные Марксом "формы, предшествующие капиталистическому производству" и что противопоставляет их следующему, более

прогрессивному этапу в развитии человеческой цивилизации – это ВНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ эксплуатация. Знаменитое рассуждение Аристотеля о рабстве на самом деле относится не только к античной, но и к любой другой экономике того времени, и еще добрых полутора тысячелетий христианской эры: трудящийся человек здесь является, как правило, даже не средством, а просто ОРУДИЕМ ПРОИЗВОДСТВА, таким же бессловесным и лишенным права выбора, как вол или лошадь. Видимо, на том уровне развития, на котором находилось общество, вступающее в цивилизацию – да и сами люди – не было другого способа организовать производство, и общественную жизнь /в том числе обеспечить существование таких интеллектуальных сфер как искусство и наука/ – и объективно, по отношению к варварской "свободе" /известной нам по исландским и ирландским сагам/ – то есть, к тотальному и бессмысленному насилию, исключающему возможность вообще какой бы то ни было целенаправленной деятельности¹, "упорядоченное" насилие раннего государства является все-таки благом.

Но "внеэкономическую эксплуатацию" не следует отождествлять с насилием – хотя оно и предполагается по отношению к тому, кто проявит недостаточное усердие. Как правило, люди превращались в рабочую скотину добровольно. И в высшей степени сомнительно, что пирамиды строились только под стоны и свист бичей /тогда бы их вряд ли достроили до конца/ – скорее всего, стоны перемазались с песнями, и хотя слова до нас не дошли, общий смысл можно восстановить по аналогии с другими эпохами. Например, приводимое Е.Парновым жизнерадостное песнопение строителей дворца далай-ламы в Лхасе:

Строим мы, строим, строим дворец
 Богу живому небесный венец
 Майтрея! О великий Майтрея!²
 Камни сплавляются жаром сердец

мало отличаются от нашего репертуара 30-х годов, или от того, что поют сегодня в Северной Корее.

¹ "Я не знаю, кто это, – говорил о встреченном человеке ирландский герой Финн, – но чувствую, что это мой враг". /Ирландские саги, М., 1961, с.231/

² Мантрея – грядущий Будда.

Беда в том, что человек традиционного общества не ощущал себя в полной мере независимой личностью: его индивидуальность как бы растворялась в коллективе /родовом, клановом, профессиональном/ – и если это положение справедливо даже для образованной элиты¹, /вспомним ритуальные самоубийства японских самураев и китайских ученых конфуцианцев/ то уж тем более – для темных и неграмотных тружеников.

Возвращаясь к экономике, попытаемся разобраться еще

в одной проблеме, совершенно не затронутой нашей официальной наукой: что понимать под "производственными отношениями" в традиционном обществе? По определению, производственные отношения – это отношения людей в процессе производства. А раз так, вызывает большие сомнения, применимо ли вообще это понятие к отношениям типа "рабовладелец – раб", "помещик – крепостной", "чиновник – подданные" – ведь здесь одна из сторон заведомо лишена человеческих прав и выступает фактически в роли пассивного инструмента. Не называем же мы "производственными отношениями" отношения рабочего с бетономешалкой! Строго говоря, популярное в нашей политэкономии понятие применимо разве что к отношениям внутри элиты – типа "рабовладелец – виллик"², "министр – чиновник" и т.п. /хотя и здесь свобода выбора для младшего партнера минимальна/. В результате получается система без обратной связи, в которой организация и управление производством отделены от самого производства и фактически сливаются с той самой надстройкой, для которой они, согласно учебникам политэкономии, должны служить "базисом". Отсюда, с одной стороны, чудовищный консерватизм экономики, в которой ни "низы" ни "верхи" не заинтересованы в научно-техническом прогрессе, с другой – возможность самых причудливых и противных здравому смыслу XX столетия социально-экономических извращений, продиктованных политическими или религиозными соображениями, или же просто прихотью самодержавного правителя. Примерами могут служить и приступы монументального строительства, на пределе людских и материальных ресурсов /те же пирамиды/, и индустрия человеческих жертвоприношений в Центральной Америке, и самоотверженная "забота о коровах" в голодающей Индии и так далее и тому подобное... Различается форма выражения, но не суть – поскольку речь идет не о свойствах, присущих той или иной нации или культуре, но об определенном уровне развития общества. И у Ивана Грозного, который нанес собственной стране катастрофический ущерб, сравнимый разве только с Батыевым разорением, находятся "заединщики" в самых разных регионах и веках до и после Рождества Христова. Кстати, не лишним будет напомнить, что Иван спокойно доцарствовал до конца /до того момента, когда в окрестностях Москвы сохранилось около 1/4 населения/ и умер, окруженный почетом, в собственной постели.

¹ Мы пользуемся термином "элита", поскольку вопрос о том, всякое ли традиционное общество может считаться классовым, вызывает до сих пор большие споры в науке.

² Управляющий виллой.

Правда, периодически система начинает давать сбои; тогда для значительна части населения Император /Царь, Князь, Вождь/ из "отца" превращается в "дьявола", происходит переворот и после более-менее продолжительной резни все восстанавливается практически в неизменном виде под новым названием. Такова, например, судьба всех "крестьянских

революций" в Китае, не исключая и той последней, которая привела к власти Мао.

Пожалуй, в этом и заключена главная историческая трагедия: в миллиардных "массах" безымянных человеческих существ, которые так и не стали в полной мере людьми, не реализовали и даже не почувствовали того, что вложил в них Бог – а просто мостили своими телами путь для Локомотива истории.

Да как вообще можно называть людей – массой. А ведь до сих пор называем!

V. Революция номер три.

Если считать первой большой социальной революцией неолитическую, второй – переход от варварства к цивилизации /от "доистории" к "истории"/, то буржуазная революция, несомненно, является, третьей великой вех; на пути человечества.

Главное новшество капитализма по отношению ко всему, что ему предшествовало – это то, что внеэкономическая эксплуатация сменяется эксплуатацией наемного труда. Мы настолько увлеклись критикой последней, что незаметно для себя превратили её чуть ли не в абсолютное зло – между тем, по отношению к предшествующим формам она представляет собой такое же абсолютное благо, как грамотность – по сравнению с неграмотностью, а металлические орудия – по сравнению с каменными. При всем неравенстве между нанимателем и наемным работником, – их отношения – все же взаимоотношения двух людей, основанные на взаимном согласии. Здесь трудящийся человек впервые выступает как самостоятельная личность, за ним признается право принимать то или иное решение и предъявлять свои условия партнеру – в системе управления производством возникает обратная связь. И биологически естественный мотив – та самая "материальная заинтересованность" работника, о которой мы столько спорили в недалеком прошлом – начинает воздействовать на производственные отношения, постоянно видоизменяя их в соответствии с интересами развития производства. Вот мощный стимул к прогрессу в технологии и организации труда: прежде в этом не был заинтересован никто, а теперь заинтересованы все. И если кто-то из читателей полагает данные рассуждения слишком абстрактными и, следуя школьной традиции, убежден, что любая эксплуатация, как ее ни назови – от дьявола, то я, теоретически с ним соглашаясь /и несколько забегаю вперед/ посоветую ему сравнить условия труда на одной и той же стройке народного хозяйства двух категорий работников: вольнонаемных /из которых ни один, конечно же, в реальной жизни не равноправен со своим директором/ и подконвойных зэков. В какой роли вы сами предпочли бы выступать?

Я еще раз подчеркиваю, что капиталистическая революция – не момент, а процесс, растянувшийся на столетия. У истоков его – наиболее прогрессивные формы феодализма /без личной зависимости/, отдаленные результаты

– компьютеризация, отмена смертной казни и импичмент Никсона. И если мы говорим, что человеческая личность как универсальное понятие /каждый человек есть личность/ – завоевание буржуазно-демократической революции, то это вовсе не значит, что при Людовике парижский сапожник был низшим существом, а на следующий день после казни злосчастного короля обрел свободу и величие духа. Это значит только то, что ЭМАНСИПАЦИЯ – политическое и социальное уравнение, демократизация общества – является общей тенденцией, характерной для капитализма, и обусловленной как чисто экономической целесообразностью, так и тем, что теперь человек, переставший служить орудием /и сам уже не воспринимающий себя как орудие/ способен проявить свою волю к равенству с другими людьми. Кстати, это касается не только отношения рабочего с капиталистом – новое общество так же медленно, но верно, уничтожает национально-религиозное неравенство, неравенство женщин с мужчинами, подчинение молодежи в семье /достигавшее в традиционном обществе самых варварских форм, вплоть до права отца безнаказанно убивать детей/. Другая тенденция капитализма, вырастающая из научно-технического прогресса – выход человека из сферы непосредственного материального производства с заменой его машинами, открывает самые захватывающие перспективы для футурологов: на смену управлению людьми, по предсказанию основоположников марксизма, может придти управление вещами в обществе, состоящим из ученых и художников¹...

¹ Удивительно, как К.Маркс и Ф.Энгельс, продемонстрировавшие примеры блестящего исторического анализа в тех же "формах, предш. капиталистическому пр-ву" или в "Происхождении семьи...", смогли в угоду политической конъюнктуре свести собственные гениальные идеи к лозунгам: "Долой капиталистов! Да здравствует диктатура пролетариата!" Это как раз пример того, как плохо наука уживается и "идеологией".

VI. Хорошо забытое старое.

Впрочем, предсказывать будущее можно только тогда, когда хорошо разобрался в прошлом и настоящем – и с облаков футурологии нам придется спуститься в царство "абсолютного вахтера", который, казалось бы, давно и надежно похоронен у Кремлевской стены.

К сожалению, наши публикации о сталинизме поначалу были выдержаны в чрезвычайно архаичной, летописной традиции: "жил-был добрый Ленин, потом пришел злой Сталин, и начались нарушения соцзаконности..." /впрочем, это естественно, если учесть печальную судьбу нашей исторической науки в те же 30-е годы/. Поэтому внимание автора этих строк сразу же привлекли выступления профессора Г.И.Куницына – в частности, на страницах "Литературной России" – где коллективизация, впервые в советской официальной печати, трактовалась не как "извращение

ленинского кооперативного плана", а как возрождение барщинного хозяйства. Тем самым был сделан первый шаг от примитивного субъективизма к научной модели сталинского тоталитарного общества в общем контексте отечественной и мировой истории.

Что же представляло собою это общество к концу 30-х годов?

Во-первых, мы находим в нем несомненный рабовладельческий уклад. Ибо заключенные в концлагерях по своему статусу полностью вписываются в классическое определение понятия "рабы": они не имеют собственности и семьи, их жизнь и смерть находится в полном распоряжении рабовладельца. То, что рабовладельцем является государство, ничего по сути не меняет, – категория "государственных рабов" известна практически всем древним обществам, как античным, так и восточным. Более того – нельзя не отметить, что рабство в стране, "где так вольно дышит человек", становится краеугольным камнем экономики, оно распространяется на значительную часть населения и самые разные отрасли не только материального, но и духовного производства – вспомним т.н. "шараги", где трудились рабы-ученые. Россия становится таким образом к середине XX века более "рабовладельческой", чем когда бы то ни было в прошлом, и уж во всяком случае превосходит в этом отношении многие древневосточные монархии /уступая разве что античной Греции и Риму периода расцвета/.

Второй уклад – крепостнический – несомненно, включает в себя все т.н. "колхозное крестьянство" – лишенное паспортов, собственной земли и обреченное на полуголодное существование без "права перехода" из того хозяйства, которому оно, "крепко", как говорили в старину на Руси /отсюда и слово "крепостной" – в противоположность человеку "вольному", который мог переселяться и наниматься на службу, куда ему вздумается/¹.

¹ Автор заранее предупреждает, что все употребляемые здесь термины не имеют ничего общего с недоброй журналистской традицией играть в громкие слова: мы просто прилагаем классические, принятые и в советской историографии определения сословий и классов к конкретике 30-х и последующих годов, известной каждому если не по личному опыту, то по рассказам старших.

Наконец, "азиатский" государственный способ производства, очевидно, вбирает в себя оба предыдущих уклада, т.к. и рабство, и крепостничество основаны не на частной, а на общегосударственной собственности: времена феодалов-сепаратистов типа Адылова еще не настали.

Впрочем, мы забыли о довольно значительной категории трудящихся: о промышленных рабочих и служащих. Ситуация с ними представляется более сложной. Закрепощение их началось позже – в самом конце 30-х годов – знаменитым антирабочим законодательством, которое запрещало трудящимся "самовольно" покидать свои предприятия и карало тюремным заключением /то есть обращением в рабство/

"нарушителей трудовой дисциплины". Старые рабочие на Урале сразу же вспомнили рассказы дедов о "приписной системе", существовавшей на уральских заводах до реформы 1861 года. Сюда же можно отнести и принудительное изъятие детей из семей в ремесленные училища, и "комсомольские путевки", от которых нельзя было отказаться и прочие юридические новации, в действительности представляющие собой все то же "хорошо забытое старое". Но мне кажется, что в городах программа закрепощения не была реализована так последовательно, как в деревне, и на практике рабочие и служащие оставались все-таки скорее наемными рабочими, чем крепостными. Хотя вопрос это сложный и спорный – так что я не буду настаивать на точной формулировке. Попробуем лучше свести изложенные выше достаточно очевидные факты в простую схему, – которую можно было бы озаглавить, например, так: "Основной экономический закон сталинизма".

рабы – заключенные

крепостное колхозное крестьянство	всеобщая государственная
--------------------------------------	-----------------------------

наемные рабочие и служащие, собственность

постепенно закрепощаемые

Надо полагать, реалистический взгляд на подобную систему – свободный от иллюзий и "возвышающего обмана" мифологии – позволит дать простой ответ на многие вопросы, казавшиеся до сих пор сложными, чуть ли не "мистическими". Возьмем проблему "необъяснимой" сталинской жестокости, выразившейся в осуждении на каторжные работы и смертную казнь миллионов заведомо ни в чем не виновных даже по сталинским законам людей, в том числе женщин и малолетних детей. Психическая патология. Но вспомним, что рабовладельческий сектор, раз он существует и развивается, нуждается в постоянном притоке свежих человеческих ресурсов – ибо производство без материальной заинтересованности, основанное на крайне примитивной технологии и организации труда, экстенсивно по самой своей сути. Древняя Греция и Рим решали эту проблему за счет населения покоренных стран – лишенный до начала 40-х годов такой возможности, Сталин вынужден был поработать собственное население. И то, что этот социальный прогресс облакался юридическими драпировками: "следствие", "суд", "приговор", так же не должно нас обманывать, как и "семейный" камуфляж римского рабства, где рабы, как известно, официально считались членами "фамилии" своего хозяина. Заметим, что как только Сталин в союзе с Гитлером развернет агрессию против соседних народов, немедленно включатся классические античные механизмы порабощения, и уже без всяких пародий на судебное разбирательство десятками и сотнями тысяч отправятся в Сибирь латыши, эстонцы, поляки, литовцы... А с ними – жены и заведомо ни в

чем не виновные дети. И последнее, хотя и чудовищно для нас, цивилизованных людей конца XX века, с точки зрения традиционного общества, созданного Сталиным, вовсе не удивительно – ведь не удивляет же нас тот факт, что при взятии Карфагена было обращено в рабство все его население, в том числе и те, кто по занимаемому положению или по малолетству никак не мог нести ответственность за антиримскую политику пунического правительства. Что же до массовых убийств, то их место в системе тоже определено. Ведь Сталин получил свое государство не по наследству – он обращал в рабочий скот людей, многие из которых хорошо помнили время хоть относительной, но свободы – и для их устрашения, приведения в состояние скотской покорности необходимы были репрессии экстраординарные, парализующие всякую волю к сопротивлению мистическим ужасом. Вспомним римский закон, предписывавший в случае убийства одним из рабов своего хозяина казнить всех рабов, находившихся в это время в усадьбе – меру личной ответственности и в этом случае никто не устанавливал, ибо "сенат и народ римский" заботились не столько о справедливом возмездии, сколько о максимально впечатляющем кровавом шоу.

Итак, в сталинской тоталитарном режиме мы имеем достаточно типичное традиционное общество – три тысячелетия тому назад никакого иного общественного устройства и быть не могло. Все "загадки" сталинизма возникают в нашем сознании оттого, что мы все – даже самые ярые противники сталинизма – слишком серьезно воспринимаем взятую Сталиным на вооружение социалистическую и коммунистическую фразеологию, которая, говоря по совести, имеет такое же отношение к реальной действительности, как христианские заповеди, например, "не убий!", к деятельности православного христианина Ивана Грозного.

Поэты оказались в этом отношении куда проницательнее публицистов – еще в 1980 году Александр Башлачёв написал:

Здесь тупиком кончается дорога.
Любого цвета флаг повесьте на сарай –
В нем все равно и пыльно, и убого.
Здесь скучно. Самого занюханного бога
Не привлечет наш неказистый рай.

VII. 17 37

Если содержание предыдущей главы представляется достаточно очевидным для любого непредубежденного человека, то вопрос о том, как и почему в середине XX столетия в далеко не самой отсталой стране могло воскреснуть полузабытое прошлое человечества – этот вопрос будет двигателем научных дискуссий на протяжении еще не одного десятилетия. Автор рискнет здесь предложить и свою гипотезу – ни в коей мере не настаивая на ее исключительности.

Во-первых, традиционное общество, базирующееся в

экономике на внеэкономической эксплуатации, а в идеологии /религии/ – на подавлении человеческой индивидуальности /надеюсь, читатель уже понимает, что это две стороны одной медали/ обладает большой жизнеспособностью, и не просто противодействует буржуазно-демократической революции на протяжении столетий – порою оно ухитряется обращать себе на службу те или иные /не только технические/ достижения капитализма, более того – оно может переходить в решительное контрнаступление. Тогда историк наблюдает безрадостные картины: толпы ихэтуаней, распевая заклинания, громят железную дорогу, чтобы она не беспокоила духов земли; северные корейцы, одетые в униформу, воздают почести живому богу Ким Ир Сёну и его сыну, объявленному наследником престола; самолёты ливийского диктатора Каддафи без устали бомбят несчастную республику Чад, а его "дипломаты" прямо из окна посольства в Лондоне расстреливают из автомата прохожих...

Насколько глубоко были капиталистические преобразования в России на рубеже XIX-XX столетий? Общеизвестная статистика /тогда статистике ещё можно было верить/ указывает на крайнюю неравномерность развития: передовое производство в некоторых отраслях промышленности, наука и культура, практически не уступающие западноевропейским, сочетались с отсталостью и элементарной неграмотностью большинства населения, преимущественно крестьянского, жившего по-прежнему общинами /а русская община сродни скорее древнеегипетской, чем английской/, среди многочисленных докапиталистических пережитков. Впрочем, вряд ли здесь можно говорить о "пережитках" – скорее, о сосуществовании в рамках одного общества двух групп населения – европейского и уже вполне буржуазного меньшинства, и большинства, едва затронутого "третьей революцией", или даже вовсе не знающего, что это такое /на окраинах/.

Первая группа объединяла, как это ни парадоксально звучит с точки зрения вульгарной логики наших учебников, буржуазию с квалифицированными рабочими, а также интеллигенцию и значительную часть населения промышленно-развитых западных регионов: Финляндии, Польши, Прибалтики. Юридически все они были подданными Российской Империи, но по образу жизни и мировоззрению принадлежали скорее к европейской традиции, которая и поставляла им все сколько-нибудь значительные идеи, от либерального парламентаризма до социал-демократии. Впрочем, это общеизвестно; общим местом стало и противопоставление передовой части российского общества "азиатскому" самодержавию – этим объясняется, в частности, нансовая поддержка революционеров московскими промышленниками. Но в действительности расстановка социальных сил представляется более сложной. Политическая система Империи, конечно же, принадлежала скорее традиционному обществу, чем буржуазному, но для нашей страны она вовсе не была пережитком прошлого – она вполне соответствовала уровню развития того самого неевропейского

большинства, которое просто не могло представить себе никакой другой политической системы. Вспомним, что Временное правительство продержалось 8 месяцев – Россия попросту не признала его за власть. Не случайно, наверное, и то, что у нового, большевистского правительства оказалось два политических лица: необыкновенный /по сравнению, скажем, с Великой Французской революцией/ демократизм дискуссий в "своем" кругу и жесткие военные методы подавления любой "внешней" оппозиции.

Однако мы забежали вперед – вернемся из РСФСР в Империю. Чтобы объяснить распространение социалистических идей среди пролетариата, нет необходимости выдумывать "масонские заговоры" – теми же идеями жило большинство рабочих Западной Европы. Закономерно и то, что из многочисленных разновидностей социализма в российских условиях – и в особенности благодаря неумной политике царской бюрократии – преобладающее влияние получили наиболее радикальные. Кстати, нелишним будет напомнить, что кадровый рабочий того времени мало похож на грязного, нищего и хронически пьяного героя В.Ерофеева – как правило, это знающий себе цену специалист и по нынешним временам хорошо образованный человек. Рабочие-политические лидеры, такие как Шляпников, Сапронов, Ногин, Томский и др. не выросли на пустом месте, их сформировала определенная культурная среда. Кроме того, среди социалистов оказалось много представителей европейских национальных меньшинств: латышей, евреев, поляков, финнов: уровень развития этих народов был весьма высок, но официально они считались "инородцами", людьми второго сорта, о чем бюрократия не забывала им при всяком удобном случае, и в максимально оскорбительной форме напоминать.

Хотя в масштабах Империи сторонники социалистической революции составляли меньшинство меньшинства. Конкретно большевиков Д.Рид с полным на то основанием называет "политической сектой"¹. Проблема, следовательно, заключается в том, как столь немногочисленной группе удалось захватить власть – и здесь нельзя не согласиться с Лениным, который в последних работах /в частности, в ответе Н.Суханову/ прямо выводит большевистский переворот из той экстраординарной ситуации, которая создалась на четвертом году крайне неудачной для России Мировой войны: "Что если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах?"² В конкретной ситуации 17 года /крах всех социальных институтов, анархия, разруха/ организованное и воодушевленное верой в свою правоту меньшинство имело все шансы "подобрать" упавшую власть и попытаться осуществить в России свой социальный эксперимент, слишком смелый даже для передовой Европы. В последующих кровопролитиях значительная часть этой "пассионарной" /по выражению Л.Н.Гумилева/ группы была

истреблена, но власть она удержала, согласившись в конечном итоге на компромисс с реальностью.

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир., М., 1957, с.23.

² Ленин В.И. Последние письма и статьи. М., 1971, с.38.

Вопрос о характере Октябрьской революции, по моему глубокому убеждению, гораздо сложнее прилагательного в ее каноническом названии, к которому мы все привыкли. Опасно судить о политических деятелях по тому, что они сами о себе говорят. Например, по прошествии 200 лет мы небезосновательно полагаем, что Великая Французская революция была буржуазно-демократической – но Марат, Робеспьер или Эбер очень удивились бы, узнав, что они "буржуазные революционеры". И сравнивая постановления Конвента с постановлениями Совнаркома можно заметить, что они подавляют частное предпринимательство не менее яростно -хотя, может быть, и менее эффективно. Но для истории конечные результаты важнее намерений: объективно якобинцы расчищали место для утверждения Кодекса Наполеона.

Что же явилось итогом революции 17 года? Первый же мирный год принес с собой НЭП – структуру, состоящую из

государственного капитализма
капитализма
кооперативного /т.е. действительно
социалистического/ сектора

покоющуюся на фундаменте патриархального и мелкотоварного хозяйства все того же многомиллионного большинства, одинаково далекого по своему развитию и от Милюкова, и от Карла Маркса.

Отступление 4. О социализме.

Автор ни в коей мере не является противником марксизма /как научной теории, а не как примитивной религии всякого рода "культурных революций"/. Социалистическая идея тоже представляется логичной – беда в том, что среди множества ее толкований люди окончательно запутались, и я могу понять анонима из "Ур Лайта", который пишет, что "слово "социализм" на данном этапе является не более чем скомпроментировавшим себя ярлыком"¹. Тем не менее, мне кажется, что во всех мало-мальских научных определениях этого популярного на протяжении вот уже двух веков понятия есть некое достаточно простое рациональное зерно. Социализм в экономике и политике – это новый коллективизм, вырастающий из буржуазно-демократической революции, новый виток исторической спирали. Докапиталистическое общество было коллективистским в той мере, в

какой можно назвать коллективом муравейник.

¹ Ур Лайт, 1988, № 2/20, с.14.

Буржуазно-демократическая революция, разрушая традиционные связи раба с его "любимым" господином, формирует человеческую Личность, которая и является с тех пор фундаментальной общественной ценностью – на следующем этапе свободные и независимые личности совершенно естественно и добровольно объединяются для совместной экономической деятельности, творчества, самоуправления. Нет ничего невозможного и в том, что со временем, через несколько столетий, такая добровольная кооперация на базе научно-технического прогресса сделает ненужными товарно-денежные отношения и принудительную государственную власть -тогда осуществится следующая, коммунистическая гипотеза Маркса.

Сейчас трудно сказать, является ли социалистическая революция продолжением буржуазно-демократической или каким-то самостоятельным этапом развития: но очевидно, что если следовать из вышеприведенного гуманистического толкования социализма, он никак не может считаться монополией т.н. "социалистических стран" – напротив, народы, прошедшие более основательную буржуазную школу, должны и здесь иметь приоритет. Более того, сомнительно, чтобы сегодня вообще какая-то страна имела право называть себя "социалистической", скорее можно говорить об элементах социализма, вырастающих из исторического партнерства /соперничества капитала/ частного или государственного/ и наемного рабочего: например, всеобщее избирательное право, социальное обеспечение, кооперативные предприятия /если только это не ширма для обычного частного предпринимательства с уклоном в коррупцию/ – по-видимому, все-таки элементы социализма. С другой стороны, очевидно, что он в принципе не может иметь ничего общего с коллективизмом традиционного общества – в противном случае мы должны выписывать символические партбилеты фараону Хеопсу и ванам древнего Китая.

Здание, возведенное в последние годы правления Ленина, выглядело достаточно цивилизованно – Россия НЭПовская была такой же многоукладовой и внутренне противоречивой системой как и Россия романовская, но она не знала ни сословного, национального неравенства, ни самодержавия с Распутиным, ни "табели о рангах" -пожалуй, из имперского политического наследия уцелело только не-равное и не-всеобщее избирательное право. Можно отметить, что большевики проделали ту же очистительную работу, что и якобинцы. Но, к сожалению, для всех нас, НЭПовская архитектура оказалась непрочной. Подводил фундамент. Напомним, что мировая и гражданская войны нанесли сокрушительный удар не только по кадровому пролетариату /на Путиловском заводе в 1920 г. из 30 тыс. рабочих оставалось 4526 чел.¹/, но и по всему – и без того тонкому – европейскому культурному слою, который служил

единственной опорой цивилизации. Городское население за годы гражданской войны сократилось на 7,5 млн. человек².

¹ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986, с.216.

² Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986, с.130.

И вот перед победителями-большевиками поднялась новая, не организованная в партии, но подавляющая численным превосходством сила – то, что Ленин назвал "мелкобуржуазной стихией". Ах, если бы эта стихия была действительно "мелкобуржуазной"! – как легко было бы ее подчинить: кредитом, умной финансовой политикой, налаженным товарообменом деревни с городам. Но ошибаясь в терминологии, Ленин безошибочно чувствовал, что эта опасность страшнее и толстых буржуев с сигарами на плакатах ГОСТА, и белогвардейцев-"золотопогонников". Отсюда отчаяние, прорывающее в последних письмах: Ленину ясно, что вынужденный союз "крестьянской войны" с рабочим движением таит в себе угрозу, в том числе угрозу раскола самой партии¹ – умирающий, он дает советы, как избежать этого, как сохранить монолитную большевистскую организацию – единственную силу, способную "втянуть" в XX век 150 миллионов бывших подданных дома Романовых. Но советы его легкомысленно отвергают даже ближайšie единомышленники...

Не вдаваясь в детали внутрипартийной борьбы 20-х гг. /они достаточно широко известны/, следует отметить, что, пожалуй, только сам Ленин – гениальный политик-прагматик – имел шанс загнать обратно в бутылку того джинна, которого сам же и вызвал к политической активности. Никто из его соратников не обладал ни ясным пониманием происходящего, ни сколько-нибудь связной и цельной программой. У Бухарина была неплохая экономическая концепция "социализма с человеческим лицом", но чтобы ее осуществить, Бухарин пошел на союз со Сталиным, и фактически помог последнему осуществить бюрократизацию партаппарата. Троцкисты совершенно правильно указывали на "глубокую перемену в анатомии и физиологии рабочего класса", на то, что "партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя в лице партийца 1928 года"² и предупреждали об опасности Термидора -но в экономической программе Бухарина /единственно возможной/ видели мифический "кулацкий уклон". И т.п. Абсолютно беспринципному Сталину нетрудно было сравнить их между собой, вовлечь в догматические дискуссии о предметах, никак не связанных с реальной жизнью, потом уничтожить поодиночке и взойти по их трупам на престол в качестве долгожданного крестьянского императора. Победило большинство: общинное крестьянство, в значительной степени люмпенизированное за время войн и разрухи -отсюда, кстати, и

происходит тот самый новый "рабочий класс", который Сталин активно привлекал в партию, чтобы использовать его невежество против авторитета соратников Ленина, /а на самом деле, конечно же, никакой не рабочий класс, а, как говорят социологи, "маргинальный" тип, оторванный от традиционной деревенской культуры, но так и не приобщившийся ни к какой другой/. Эти темные люди пошли за Сталиным так же безропотно, как их прадеды шли за Суворовым в Альпы и умирали там во имя сохранения Австрийской империи. И не следует удивляться тому, что первой же серьезной акцией сталинской контрреволюции стало восстановление крепостного права: история всех победоносных крестьянских войн показывает, что общинное крестьянство, не прошедшее буржуазно-демократической школы, так же не в состоянии произвести никакой другой социальной системы, кроме более-менее жестокого традиционного общества, как человек не в состоянии сам себя вытащить из болота за волосы. Каждая следующая китайская династия, поднимавшаяся на волне крестьянского возмущения, передвигала стрелки часов истории назад /назад – поскольку в ходе резни погибала интеллектуальная элита, носители культуры/, а до сих пор превозносимые нашими учебниками тайпины – ярко выраженные крестьянские революционеры – погибли в значительной степени потому, что установленная ими система ограбления народа /так сказать, суперпродразверстка/ даже привыкшим ко всему китайцам показалась чрезмерной, и они предпочли чужих манчжурских феодалов "своим" освободителям.

¹ Насколько же Ленин был умнее своих комментаторов – он практически предугадал природу сталинизма!

² Раковский Х. Нет ничего опаснее пассивности масс. Неделя, 1988, 24-30 окт., с.9.

"Народ – жертва зла, – писал Ф. Абрамов, – но он же опора зла..."¹ И коллективизацию проводили в жизнь не мифические "евреи-троцкисты", а сами же русские /белорусские, казахские и пр./ мужики, доносившие на своих соседей /а что делать: круговая порука – основа общины!/ и выходившие таким образом "в князи" при новом царе. Вот социальный тип, который становится основным источником кадров для сталинской бюрократии – теперь это уже не государственный аппарат европейского образца, а типичная для Древнего Востока правящая элита.

В заключение мне хотелось бы солидарно с М.Шатровым выразить глубокое недоумение по поводу концепций, выводящих сталинизм из Октябрьской революции: "Сталин продолжил дело Ленина" /разновидностью чего является позиция Г.Попова: сталинизм -"вариант большинства рабочего класса"²/ -нельзя делать серьезных исторических выводов на основе внешней формы, без всякого учета социально-экономической основы режима и тех слоев, которые его поддерживают. Да, гимн оставался до поры до времени прежним, названия некоторых должностей и фамилии

некоторых, очень немногих, из зашивавших эти должности лиц не изменились, однако НЭПовская Россия, как ее ни называй: социализмом, капитализмом, госкапитализмом или как еще, была цивилизованным обществом, практически не знавшим внеэкономической эксплуатации, а сталинская – типичным традиционным, образца примерно II тысячелетия до н.э. /наподобие воскресшей мумии из из рассказа Конан-Дойля/. Это основной аргумент против всяких поверхностных аналогий. Столь же безосновательно и сравнение "красного террора" во время гражданской войны, когда жестокость была обоюдной, с систематическим истреблением мирного населения в мирное время. В 30-е годы изменяется и социальная база режима: истребляются остатки кадрового пролетариата, практически все коммунисты с дореволюционным стажем, не успевшая или не пожелавшая эмигрировать интеллигенция, кооператоры – то есть последовательно и целеустремленно уничтожается весь сохранившийся к тому времени /и немного окрепший в годы НЭПа/ культурный слой в политике, в науке, в искусстве, а место его занимают полуграмотные выдвигенцы из "деревенской бедноты" или из городских "маргиналов". По-моему, этот переворот по своим масштабам значительно превосходит октябрьский 17 года!

¹ Литературная газета, 1988, 9.XI, с.5.

² Наука и жизнь, 1988, № 10, с.28.

Человек, решившийся на прыжок, явно превосходящий его силы, рискует упасть в очень глубокую пропасть. Это произошло с революционерами 1917 года. Они заплатили кровью за свои иллюзии. И мне по-человечески понятна их растерянность перед лицом смерти – как еще должен вести себя человек, если его родное, любимое дитя вдруг оборачивается чудовищным монстром и подымает кровавую лапу на родителей. Но я тем более не склонен ставить знак равенства между политическими деятелями, совершавшими ошибки, пусть даже непростительные, профессиональными палачами, для которых уничтожение людей было основным и единственным родом деятельности.

VII. 37 87

Дом, который построил Коба, тоже оказался не слишком прочен, хотя и по другой причине: еще римские агрономы заметили, что рабство не уживается с научно-техническим прогрессом. Наступила "оттепель" - период реформ, которые оцениваются обыкновенно с точки зрения политики, культуры – короче говоря, т.н. "надстройки" – но в действительности по крайней мере две из них самым принципиальным образом изменили "базис" советского общества.

1. Массовая амнистия и правовая реформа нанесли сокрушительный удар рабовладельческому сектору, от которого он так и не оправился,

2. возвращение паспортов колхозникам практически ликвидировало крепостнический сектор.

К сожалению, благое дело не было доведено до конца, да и не могло быть доведено, поскольку сами деятели не ведали, что творят, пребывая в плену все тех же мифологических представлений. Брежнев заморозил дальнейшие реформы, и советское общество приобрело стабильный /до начала перестройки в 1987 г.¹/ и хорошо всем знакомый вид.

¹ Мы датируем начало перестройки 1987 г., т.к. основные акции двух предыдущих лет: "борьба с пьянством" и, тем более, "борьба с нетрудовыми доходами" не имеют с демократизацией ничего общего и скорее должны быть отнесены к брежневско-андроповской традиции.

В основе как промышленного, так и сельскохозяйственного производства лежит наемный труд с правом свободной перемены места работы. Это определяющий параметр, по которому мы должны относить брежневское общество к госкапитализму, а не к какой-либо модели традиционного общества /и в этом главное отличие брежневского режима от сталинского/.

Произнеся эту оптимистическую формулу, нельзя не оговорить, что докапиталистические отношения в нашей стране по-прежнему существуют, даже процветают, оказывая мощное разлагающее воздействие на экономику, культуру и нравственное состояние общества.

Во-первых, сохраняется рабский труд заключенных, чья численность хотя и не так велика, как в 40-е гг., но по-прежнему совершенно не вяжется ни со здравым смыслом, ни с аналогичными зарубежными показателями. Более того: исследователями подмечено, что наша тюремная система спланирована таким образом, что человек, раз попавший за решетку, возвращается туда снова – и это, равно как и стремительное "разбухание" уголовного Кодекса в 60-80-е гг. за счет новых "посадочных" статей, может иметь только одно рациональное объяснение: до тех пор, пока "учреждения" с номером соединяют в своем мрачном лице тюрьму и производство /которое имеет свой план/, они будут нуждаться в постоянном и возрастающем притоке рабочей силы, вне зависимости от того, "справедливо" или "несправедливо" эта рабочая сила к ним -направлена. И эта даровая рабсила будет действовать на всю остальную экономику, как наркотик, который приносит временное облегчение в стрессовой ситуации, но полностью расстраивает все системы нормальной саморегуляции в организме. /Кстати, говоря о зэках, не стоит обольщаться тем, что эти люди осуждены в значительной части случаев за реальные преступления – такого рода рабство равно как и другие формы "срочного" рабства, например, за долги, было широко распространено в древности, и еще 300 лет назад продажа белых каторжников плантаторам на определенный судом срок была таким же обычным делом, как торговля чернокожими невольниками.

2. Иные формы принудительного труда, начиная от

варварских: /ЛТП, то есть фактически тюрьма, куда заключаются люди, не совершившие преступления, всякого рода "спец-школы" и "спец-ПТУ" и "спец-школы" /не английские, разумеется/ – до более либеральных, как-то, например, регулярное привлечение студентов и школьников к тяжелым, грязным и малооплачиваемым сельхоз-работам. Сюда же мы должны отнести и использование солдат в качестве дешевой и безотказной рабочей силы там, где это никак не связано с обороной страны.

3. Привилегии и монополии.

С этим пунктом придется разбираться основательнее, потратив некоторое время на очередной экскурс в седую древность. Дело в том, что рыночная стихия купли-продажи, существующая с первобытных времен, как правило, настораживает традиционное общество своей "неупорядоченностью", отсюда стремление ограничить ее действие системой запретов и "обязательных рекомендаций" начиная от мелких бытовых /скажем, жене купца, будь она хоть вдесятеро богаче, нельзя одеваться так же, как дворянке/ и кончая параллельными денежными системами: для каждого сословия – свои деньги. Думаю, что советскому человеку последнее знакомо не по историческим романам, а по личному опыту. Вот валютные рубли /которые, впрочем, мало кто из читающих эти строки видел своими глазами/ – на них можно купить ВСЕ, как на доллары. Вот чеки /слава Богу, недавно отмененные/ – на них покупается только то, что завезли в "Березку", но тоже все фирменное. А вот обычные казначейские билеты – на те, небоже, что нам не гоже. С отменой чеков "Березки" в системе пробита первая брешь, но до ее полного демонтажа еще ох как далеко!

Система привилегий – не просто создает для элиты бытовые удобства, она подчеркивает ее социальный статус. И суровые преследования "фарцовщиков", то есть мелких торговцев, которые ни в одной цивилизованной стране не считались за преступников, не в последнюю очередь объяснялись тем, что благодаря этим людям рабочий или крестьянин, заработавший лишние несколько сотен, мог одеть свою дочь так же, как одевается дочь министра или секретаря обкома. А это, согласитесь, ни с какими "принципами" не вяжется и прямо посягает на священное "право идти впереди".

Кстати, о XIX партконференции. В речи Б.Ельцина мне больше всего понравилось то, что болезненная проблема привилегий решается не на уровне дешевой демагогии: "всех, кто выше, принижай, кто ниже – возвышай, скоро все до одного будут роста одного"¹ – а спокойно и по-научному. Полное равенство прекрасно, но на сегодняшний день недостижимо, разве что в тюремном бараке... впрочем, и там нет равенства. Даже в самой демократичной Швеции министр питается лучше, чем тот, кто убирает мусор у входа в министерство. Но разница между шведской и советской элитой в том, что первая платит за себя сама, а за вторую платим мы с вами посредством "засекреченного" бюджета и такого удивительного изобретения как "общественные фонды потребления". Это "черная касса", в которую вкладывают

деньги примерно поровну, а получают их обратно "согласно занимаемой должности".

¹ Из песни французских санкюлотов времен Революции.

Предлагаемая Ельциным мера вроде бы касается частных: платить чиновникам деньгами, а не привилегиями, но по сути она так же революционна, как хрущевская реформа УК. Ведь бюрократия противостоит перестройке постольку, поскольку она осознает себя элитой /высшим сословием/ в рамках традиционного общества – вот почему она заинтересована в консервации всех, присущих этому обществу институтов – но если реализовать то, что предложил конференции Ельцин, чиновники превратятся в нормальных /хотя и высокооплачиваемых/ специалистов – специалистов по управлению – а общество в целом сделает еще один шаг из средневековья.

Что касается монополий, то они являют пример удивительной жизнеспособности традиционных отношений, их умения мимикрировать "под капитализм". Монополии – это особое право лица или объединения на какую-либо деятельность и на доходы от неё, охраняемое государством. Не случайно во время буржуазных революций отмена монополий была одним из популярнейших лозунгов – ибо они разоряли и производителей, и торговцев, и потребителей, обогащая только небольшую группу чиновников и бессовестных дельцов. Чтобы представить себе, как это происходит, вспомним старую одесскую байку про бандитов, которые в темном переулке продавали проходим кирпичи по червонцу за штуку. Внешне – с точки зрения инопланетянина, изучающего нашу жизнь с летающей тарелки – сцена в переулке имеет все признаки договора купли-продажи. Однако мы то с вами понимаем, что прохожий не волен в своем выборе: покупать ему внезапно подорожавшие и вовсе даже не нужные среди ночи кирпичи или идти дальше своей дорогой, потому что к его животу приставлен нож. Но ведь точно в таком же положении оказывается человек, который, например, не может продать свой собственный /!/ автомобиль иначе, как через комиссионный магазин по назначенной этим же магазином цене. И в том и в другом случае мы имеем замаскированный под куплю-продажу грабеж – то есть все ту же внеэкономическую эксплуатацию. Разница – не очень существенная для жертвы – заключается в том, что в случае с кирпичами угроза насилия исходит от частного лица, а в случае с автомобилями – от государственных карательных органов, которые рассматривают нарушение монополии как преступление.

Бюрократия в СССР давно поделила все сферы человеческой жизни /кроме разве что сексуальной/ между ведомствами, и каждая контора была в своей области монополистом. И я бы не сказал, что сегодня /конец 1988/ эта ситуация существенным образом меняется. Монополии по-прежнему теснят нас со всех сторон. Вы крестьянин? Тогда вам в Агропром. Вы автор? Вам в ВААП, иначе вы самозванец. И

если появляется /точнее, приходит с Запада/ какое-то принципиально новое явление, то первая реакция бюрократии – отметить это явление очередной монополией. Советского видеоискусства как не было, так и нет, зато есть Всесоюзное /!/ ПТО "Видеофильм", которое гребет деньги лопатой – по полтора рубля за сеанс в видеокафе – поставляя нам дешевые, непрофессиональные поделки типа фильма "Рок", дружно воспетого нашей интеллектуальной кинокритикой. И если в разговоре о привилегиях бюрократия, как правило, уходит в глухую оборону: нет, мол, такого, и не было, и все наши привилегии – это "право идти впереди", то по поводу монополии занимаемая ею позиция по-прежнему воинственная и непримиримая. Видимо, монополия, как источник доходов для чиновничества в целом важнее, чем икра и балык по символической цене – для избранных его представителей. Эта система является идеальной питательной средой для коррупции и образования мафиозных кланов, поскольку она позволяет и разбойничать с ценами, и спекулировать на дефиците /который сама же и создает/ – более того, сегодня каждый, даже некрупный чиновник, причастный к монополии, может получить по потребностям икру и балык за допуск посторонних лиц или кооперативов к "своей" кормушке – это т.н. "бюрократическая рента", о ней чуть ниже. Положение, как видите, кристально ясное для любого человека – но великое чувство сословной солидарности сильнее логики. Вот что говорит это чувство устами министра культуры СССР В.Г. Захарова на III сессии Верховного Совета СССР: "Мы за участие кооператоров в культурной жизни, и например, всячески выступаем за их возможный вклад в развитие материально-технической базы культуры, где для них большое поле деятельности. Министерство также считает, что кооператив может заниматься концертной работой, но при государственной концертной организации..."¹ Вот тебе, бабушка, и закон о кооперации! Оказывается, главная задача кооперативов в культуре -финансирование т. Захарова и Ко!

¹ Советская культура, 1988, 1 ноября.

/Сразу оговоримся, что есть сферы деятельности, где сама специфика требует централизации и унификации – судопроизводство, карантинная служба и др. Их немного, и сами понимаете, что не о них речь./

Теперь от экономики перейдем к политике. Здесь ситуация еще более удручающая. Несмотря на все реформы, наше государственное управление находится примерно на уровне западноевропейского XVIII в.: не вдаваясь в подробности, которые каждый может извлечь из программных документов Народного фронта Прибалтики, можно отметить, что в политической науке есть основополагающие положения: например, принцип разделения властей /законодательной, исполнительной и судебной/ – и игнорировать их так же нелепо, как не признавать Закон всемирного тяготения на основании того, что он-де буржуазный. Отстаивая в этой области свою "самобытность", наше государство даже при

самых лучших намерениях будет снова и снова возвращаться к средневековым институтам – как герой бессмертной повести "Москва-Петушки", куда бы он ни ехал, возвращался каждый раз на Курский вокзал.

Что до суда, то суд наш находится примерно там же, где его 120 лет назад оставил Александр II. Это бесспорный прогресс по сравнению с 30-ми годами, когда суд превратился в древнеегипетское "ведомство поставщика людей", но все-таки меньше, чем хотелось бы. Нормальная экономическая деятельность невозможна до тех пор, пока права ее участников нельзя реально защитить через суд /а не через райком или газету/.

Впрочем, об этом хорошо и подробно пишет А.М.Яковлев и другие наши ученые правоведы. Наконец, система прописки – о ней и говорить не хочется, потому что это чистое, 100 процентное средневековье. Паспорта, как известно, были впервые введены в России с той целью, чтобы помещики могли контролировать передвижение своих крепостных.

VIII. Весь мир насилия мы разрушим...

Все перечисленные политические и правовые анахронизмы существуют не сами по себе – я еще раз подчеркиваю, что это всего лишь надстройка к определенной экономике /политика есть концентрированное выражение экономики!/. И если вдруг в государстве принимается и, главное, исполняется закон, почти слово в слово списанный из законодательства Древнего Китая – например, о коллективной уголовной ответственности всей семьи за одного из ее членов – то будьте уверены, что и экономические условия должны быть во многом идентичны. То же самое можно сказать и об идеологии: вся т.н. "платформа Н.Андреевой" есть идеология традиционного общества от начала до конца, и каким именем ее не освяти: Осирисом или К.Марксом, ослиные уши все равно торчат наружу. Так же однозначно обстоят дела и с "Памятью", а так же другими разновидностями шовинизма – не случайно бюрократическая реакция уже сомкнулась с шовинистами в нерушимый блок коммунистов типа Ан.Иванова с беспартийными типа Д.Васильева. Ибо любая идеология, утверждающая, что человек может быть хорош или плох от рождения в зависимости от национальной или сословной принадлежности родителей сама принадлежит все тому же далекому прошлому. И когда я читаю в "Правде" письмо трех "уважаемых в народе" писателей Распутина, Бондарева и Белова, которые советуют приучать молодежь к физическому труду – вместо рок-музыки и "детей Арбата" – она не вызывает у меня изумления – с какой стати, в эпоху всеобщей компьютеризации, с ума они, что ли, сошли – я прекрасно понимаю, почему именно физический труд противопоставляется демократизации советского общества. Надеюсь, что и вы, дорогие читатели, это понимаете.

Итак, современное советское общество находится в состоянии чрезвычайно неустойчивого равновесия между

традиционным тоталитарным и современным демократическим общественно-экономическими укладами, интересы которых выражают вполне определившиеся политические группировки. Мало сказать, что это равновесие между прошлым и будущим – потому что равновесие между жизнью и смертью, потому что захват Рип ван Винклями из далекого прошлого власти в крупнейшей ядерной державе хотя бы на короткий срок практически гарантирует уничтожение человечества в III мировой войне.

Но сегодня у каждого из противостоящих блоков – и у демократов, и у их противников есть шансы на победу. На стороне "мира насилия" не только вышколенный бюрократический аппарат, но прежде всего – наша вековая традиция, уходящая корнями в Золотую Орду и крепостное право. Миллионы наших людей не видели в своей жизни ничего, кроме произвола, и просто не в состоянии включиться в отношения, выходящие за пределы их понимания. С другой стороны, на стороне демократии – научно-технический прогресс, из которого мы "выплыли", и это понимает любой мыслящий человек, будь он даже 1000 раз чиновник: современная технология несовместима с древнеегипетскими формами организации труда; под дулом винтовки можно с энтузиазмом копать Беломорканал, но нельзя собирать новые модели компьютеров.

Демократия сегодня наступает. И мы начинаем обольщаться первыми же успехами: еще бы, мы привыкли видеть нашего противника львом, рыкающим с трибуны и давящим людей танками, и забываем, что у него есть и обличье лисицы. Мы даже еще толком не осознали, что именно нам противостоит: нам кажется, что это фракция в ЦК, или мафия казнокрадов, или в крайнем случае, часть народа, привыкшая пить и воровать, и не желающая работать, как японцы. В действительности же нам противостоит СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА, а все остальное: произвол в суде, взятки, хлопковые дефо-лиаты, "Память", поворот рек – лишь внешние формы его проявления. И сегодня главная задача этого способа производства -выжить, приспособиться к новым условиям, замаскироваться, чтобы в нужный момент нанести нам внезапный и безжалостный удар. Возможно такое? Возможно. Ибо беспринципное скрещивание новых хозрасчетных и демократических механизмов со старыми бюрократическими, осуществляемое сегодня во всех сферах под лозунгом "Постепенности и осторожности" в преобразованиях лишает реформы всякого смысла и совершенно дискредитирует перестройку в глазах народа. Ведь традиционные формы распределения подобны "желудочно неудовлетворенному" персонажу Стругацких: их прозорливость растет быстрее любого роста производительности. Можно вкладывать сколько угодно денег в выращивание овощей и Фруктов, но их качество и доступность останутся прежними, пока они распределяются через нынешнюю систему разворовывания и сгнаивания того, что поленились украсть, именуемую на нашей "новоречи" торговлей. А кооператив, за взятку оптом получающий в магазине лучшее мясо, которого нет и не будет в продаже, вне

зависимости от того, что он сделает с этим мясом: просто перепродает втридорога или нажарит шашлыков, является кооперативом только по названию. В действительности это часть все той же машины по внеэкономической эксплуатации народа – кстати, вот и ответ на один из вопросов, поставленных в начале статьи.

Речь здесь идет не о людях – хороших или плохих – а о сложившейся системе отношений, которая вынуждает человека становиться врагом своему ближнему. Впрочем, если говорить о конкретных людях, то тот факт, что у власти остаются деятели, запятнавшие себя репрессиями, доносами и т.п. тоже не может не тревожить – я не призываю судить их по закону талиона, но искренне не понимаю, какое право имеют они оставаться у власти и сегодня, в эпоху перестройки. Куда и кого могут они за собой вести?

Правительство предоставило нам право свободно заниматься различными видами ремесла и творчества – но в условиях, когда реальная власть принадлежит ведомственно-мафиозным кланам, мы не можем реализовать это право без разрешения все тех же чиновников-монополистов. Так рождается чрезвычайно распространенное сегодня явление – "бюрократическая рента", плата за разрешающую печать на бумажке /или, если хотите, можете называть это "государственным рэкетом"/. Бюрократическая рента может выражаться в классической форме, напоминающей взаимоотношения сельских и городских общин с феодалами – плата за покровительство. Скажем, молодежные хозрасчетные объединения вынуждены отчислять немалую часть своих доходов на содержание комсомольского аппарата, – то есть, как это ни смешно, в числе прочего и на издание журнала "Молодая гвардия", главного органа своих собственных врагов. Но нередко бюрократическая рента маскируется "платой за работу" или услуги, якобы оказанные государственной организацией – например, издательские кооперативы, стыдливо именуемые "посредническими", существуют при государственных издательствах /золотая мечта министра Захарова/ и даже сдавая полностью готовую к печати книгу, все равно вынуждены платить издательству за "редактуру", поскольку существующая антиконституционная система "литования" печатных изданий крайне затрудняет кооператорам прямой выход на типографии.

Здесь уместно вернуться к самому первому вопросу – к стремительно дорожающим концертам. Коммерция в рок-музыке – явление нормальное и неизбежное, но коммерция, так же, как и музыка, бывает разная. И как только наш рок из "рок-движения" и демократической альтернативы превратился в рядовой жанр советского искусства, в нем немедленно пышным цветом расцвели далеко не благоухающие цветы, украшающие Союз Писателей и Союз Художников: появились и собственные чиновники, и доносчики, не хуже Ан.Иванова, и даже любители поливать грязью почитаемые могилы, как это делал Ст.Куняев – разумеется, появились – точнее, проявились – и дельцы, озабоченные выбиванием денег из ближнего любыми способами – и они как раз очень хорошо спелись со

старыми филармоническими чиновниками, по-прежнему контролирующими большие залы и стадионы. С непривычки же действие разлагающих факторов оказалось просто сокрушительным: и новое вино, влитое в старые меха начинает изрядно пахнуть тухлятиной. Кстати, раз уж зашла такая тема - как говорил Аркаша Северный – оказывается, что в Финляндии концерты в маленьких и средних залах, типа наших ДК, как правило, планово-убыточны: музыканты сами доплачивают за них, поскольку видят в этом не источник дохода, а просто рекламу выходящих альбомов. Для западной рок-группы звукозапись в финансовом отношении гораздо важнее гастрольно-концертной деятельности – она получает в среднем 5-15% прибыли от продажи пластинок своих "дисков". У нас, к сожалению, перестройка в концертной деятельности, /которая все-таки происходит, несмотря на заявления министров и "гос-рэкет", практикуемый их подчиненными/ никак не отразилась на монополии нашей Всесоюзной /!/ фирмы грамзаписи. Что это значит – вы уже без труда сообразите сами. В результате все финансирование рок-музыки, технически сложного и дорогого жанра, ложится неподъемной тяжестью на гастрольно-концертную деятельность, то есть, в конечном итоге, на ни в чем не повинных молодых ребят, вынужденных втридорога покупать билеты¹.

¹ Беда не в том, что это происходит – а в том, что сами рок-музыканты принимают это как должное. Поэтому популярный рок-лозунг "мы вместе" сегодня нередко звучит как изощренное, причем чисто советское издевательство, наподобие дацзыбао "Благодарим за покупку" в гастрономе, где нет ничего, кроме плавленых сырков.

Боюсь, что во всех остальных отраслях как материального, так и духовного производства, происходит нечто похожее.

У Д.Карпентера есть популярный фильм "THE THING" – на русский это иногда переводится как "Нечто", иногда как "Тварь" – про инопланетное существо, которое способно перевоплощаться в какое угодно животное или даже в человека, но из мельчайшей клеточки этого существа может мгновенно вырасти чудовище, уничтожающее все живое. Мир, основанный на узаконенном насилии, так же чужд современному цивилизованному человеку, как тот далекий мир, из которого прилетело к нам всепожирающее "нечто"; он обречен историей на гибель, но он цепляется за жизнь – за нашу жизнь! – мимикрирует, принимая то безобидный, то даже романтический облик, чтобы в конце концов увлечь нас с собою в могилу. "Тварь" поселяется в живых людях, и наши ближние на наших глазах превращаются в механизмы по выполнению каких угодно приказаний, или в "доносчиков", или в ненавидящих все живое "памятных" штурмовиков. И это как раз тот случай, когда конформизм становится преступлением перед человечеством – вспомним, что именно конформисты вручили двум крупнейшим убийцам XX века

"скипетр земного царствия силы по образцу небесной власти"¹. И если вы хотите жить, если вы хотите, чтобы жили ваши дети – ради Бога, рубите щупальца Твари!

Скорее всего, мы все заражены. Но пока мы не примирились с этим, пока мы сражаемся, у нас еще есть шанс.

¹ Формула царской власти в эпоху Ивана Грозного.

"Я "вставал" от звука, а не от слова"

РАЗГОВОР С ЮРИЕМ НАУМОВЫМ

В. Твое творчество часто определяют, как "пост-хиппизм". Насколько ты с этим согласен?

О. Знаешь, я читал о ЛЕД ЗЕППЕЛИН, что это была последняя команда эпохи хиппи, и взлет ее совпал с распадом тамошней "системы". Я не переношу их ситуацию сюда, но сходство есть...

В. Между твоим творчеством и ЛЕД ЗЕППЕЛИН?

О. Между ситуациями, конечно! Я не примыкаю ни к каким неформалам, но эстетика и мировосприятие хиппи мне ближе всего. И хотя я не работал на "систему" как музыкант, но, наверное, моя аудитория состоит из одиночек, на которых распадается "система". Может, это иллюзия, может, они никогда и не были вместе, но мое магнитное поле соотносится с ними сильнее.

В. Кстати, по поводу твоих любимых выражений: поле, энергия – это что, влияние распространенных среди хипов йоги, дзена и прочего Востока?

О. Нет, я могу от себя декларировать то, что воспринял интуитивно, а не логически, не через информацию из книг, рассказов и т.д.

В. А почему ты мало выступаешь на большой аудитории?

О. Для меня флэтовые сейшена – идеальный путь, потому что здесь есть четко уловимая связь с людьми, и я могу позволить такую роскошь, как самообнажение. Вижу живую воду в глазах и могу заняться эксгибиционизмом, который дает высокий уровень вибрации. Например, я сейчас вернулся с Украины: "Рожден, чтобы играть" и "Карл" идут на "ура", "Дорога назад" – увы... Понимаешь, старик, пока флэтовские сейшена не запретят, я не сменю их на большие залы, несмотря ни на какие

коммерчески выгоднейшие условия. Не знаю, насколько это подходит для интервью, но я пришел к выводу: на подходе к четверем сотням зал необратимо меняется, большой зал навязывает тебе определенный стереотип поведения; либо ты наш вождь, фюрер, либо летят яйца, помидоры и пр. херня. 1 – 2 такие ходки ничего, но долго ориентироваться на эту реакцию – лишь бы только взять зал, не дать ему уйти – значит, идти на снижение.

В. Это относится ко всем рокерам?

О. Это важно для меня. Но, в принципе, это важно и для Шевчука, Кинчева и остальных, потому что существует обратная связь: если для тебя успех – это буря аплодисментов и брызгающие кипятком 6 первых рядов с пятнадцатилетними, то это все не может собрать тебя, как художника. Хорошо, когда есть параллельный мир, мир флэтов.

В. Как ты соотносишь свои акустические выступления и студийки ПРОХОДНОГО ДВОРА?

О. Я столкнулся с печальным фактом, которого не предполагал. Я выкормыш западного рока, и когда люди говорят, что Высоцкий – первый в России рокер – может это и так, но у меня это вызывает сопротивление, потому что мои корни не здесь, я "вставал" от звука, а не от слова, понимаешь? А потом я автоматически перенес звук на слова и "прокололся", потому что критерии восприятия оказались полярны. А меня вышвырнуло на край, особняком. И когда я стал замешивать электрические альбомы, то понял, что если на сегодняшнем допотопном звукозаписывающем уровне я сделаю самые существенные свои песни, они все равно окажутся холостым выстрелом, и впредь мне следует ориентироваться на более примитивные в музыкальном отношении композиции, придерживаться баланса между звуком и словом. В этом смысле оба альбома – экспериментальные, они вызвали локальный интерес, но в целом, конечно, провалились. На что рассчитываю – подобраться к более сложным вещам, накопив опыт звукозаписывающей кухни -ведь времена, когда запись в подзаборной студии канала только потому, что песни были честные, кончились в 86 году. В драчке за мозги, хотим мы этого, или нет, чтобы не проиграть Малежику, мы должны срочно прохабать то, что он прохабал давным-давно. Люди говорят, что уровень моих альбомов гораздо ниже меня же акустического. Но я думаю, что потом, в ретроспекции, они будут восприниматься гораздо лучше. Недавно записан 3-й альбом, надеюсь, что он докажет справедливость моего предсказания.

В. Есть мнение, что ты дерешь с Башлачева?

О. Ну, во-первых, мы начали почти одновременно: я в 82 в Нске, он – в Череповце. Во-вторых, есть только один художник, влияние которого на себя целиком и полностью подтверждаю –

это Майк.

В. Ты более богемн, он более фольклорен, но...

О. ... Рок вообще очень честное искусство – вспомни Макара, ему верила вся страна какое-то время. Тот же Цой – он что, неискреннен, что ли? Вопрос так стоять просто не может. А богемность...

В. Я уточню: искренность бывает разная – более наивная, более трезвая.

О. А вот оно что! Так вот, богемность. Есть люди, считающие, что если бы Башлачев еще лет 6-8 порубился, он был бы популярен, как Высоцкий. Тебе надо говорить, что это бред сивой кобылы? В. Не надо.

О. Почему?

В. Высоцкий лучше уловил время.

О. Башлачев уловил его лучше всех нас. И, между прочим, был изошренный художник. И язык его понимала, дай Бог 1/4. Остальные сработали по извечной российской инерции: раз все заговорили, так может мы, дураки, чего-то недопоняли? Это просто плебейская наша черта – невозможность адекватно воспринять художника, и жаловаться в нашей стране на это – все равно, что ругать плохую погоду.

Когда я услышал его впервые, было ясно, что художник гигантский, но это было уже в ту пору, когда изменить, повлиять на меня уже было нельзя. Уже готовились миниатюры "Рожден, чтобы играть", "Карл", я выходил на свою эстетику, на аллитеративные ходы.

В. Не очень вежливый вопрос. Есть люди, которые обламываются от того, что у тебя в песнях часто встречается слово "мама".

О. Они уже перестали обламываться от гребенцовской "воды"?

В. Про него никто уже и не говорит.

О. Ха, настанут времена, и про меня никто не будет говорить. Ты пойми, мой мир на этом зиждется, это моя точка отсчета. Человеку, не пришедшему к своему Богу, приходится опираться на начало пути. Мои отношения с миром во многом сводятся к моей неподготовленности, к эффекту тепличного ребенка. Я не перестаю офигевать от всего, что со мной творится. А если люди обламываются -значит, не хотят напрячь мозги.

В. Меня несколько удивило, что ты среди влияний в первую очередь указал Майка. Хотя бы потому, что у Майка нет слова "мама" и вообще он довольно ироничен и чужд сентиментальности, разве что в самых небольших дозах – "Да святится имя твое".

О. У тебя немного плебейский подход: на самом деле влияние вовсе не предполагает внешнего сходства.

В. Но Майк на все смотрел с прищуром, и вообще, концепции рокеров 70-х и 80-х разные, и ты, по-моему, ближе к первым /отсюда и "пост-хиппизм"/.

О. Вспомни: Макаревич первым у нас заявил рок-героя. Кто этот герой? – Кайфовый парень с сильным дидактическим потенциалом. А все остальные должны отчитываться перед ним, почему они такие плохие. И поколению конца 70-х было очень приятно отождествлять себя с таким героем. А когда Макаревич в Москонцерт ушел, какой шорох поднялся?! "А, проститутка, предал!" А почему? – Да потому, что люди сжились с приятным чувством, что они – как тот герой, и когда изобретатель героя уходит в Москонцерт, то сразу хочется погромче заявить, что мы-то хорошие, мы-то – чистенькие, а он – плохой,

и мы его не любим. А тут парень из белоночного города предложил другого героя: "я не хороший, не плохой, я видел это со стороны, я не играю в это", все слушали-слушали, и вдруг где-то в районе 82 года стали въезжать: "Братва, это же круто!". Примерно в той же эстетике, только более грязной, работал Майк. Майк прошиб меня, потому что хоть в нем и не было того, что называется "высоким искусством", но такого колоссального сдирания кожи я не помню ни у кого. Но его взлет оказался недолгим, потому что он нестабильный художник, а вокруг него быстро закрутились какие-то не те люди, "приносящие портвейн".

В. Кстати, каково твое мнение о московском роке?

О. Московская публика достойна большего.

В. Притча во языцех... А ОТКАЗ, НЮАНС, ЗВУКИ, КРЕМ?

О. Нет, не то... Я думаю, Москва подарит много крутых имен где-то в начале-середине 90-х годов. Лучшие времена Питера прошли, к концу десятилетия клуб полностью дискредитирует себя, произойдет тотальная коммерциализация всех более или менее заметных художников.

В. А провинциальная волна: Свердловск, Архангельск, вся Сибирь?

О. Я думаю, колоссальное слово останется все-таки за Москвой. Задав своих /купив Макаревича, посадив Романова

и т.д./, она в течение многих лет училась у пришельцев. Пока она гонит коммерцию, но есть талантливые волчата, сидящие по квартирам, которые весь этот громадный опыт сейчас переваривают. Пройдет 3 – 5 лет, и они о себе заявят. Я знаю где-то человек 4-х, в которых скрывается потенциал крупных художников. Я не могу сказать, что это -рок в чистом виде, это какие-то пограничные области, но это – не скоморошество, эти люди будут экспериментировать с электричеством. Вот, например, парень, который у меня играл в 3-ем альбоме -Игорь Чумычкин. Информационная плотность сегодня уже настолько велика, что нынешние художники раскачиваются до более-менее заметных высот не за 2 – 3 года, как мы, и не за 5, как БГ и Макар, а за год – полтора. Пусть я сейчас буду голословен, но я уверен, что Москва раскрутится очень круто.

В. /Про себя подумал: "В свете этих новых требований особое внимание следует уделить печати, а особенно – УР ЛАЙТУ"/. Как ты пришел в рок-музыку?

О. Услышал БИТЛЗ в 6 лет /в 68 году/ и приторчал, потом был спад, а вторичный интерес возник лет в 11. В любом случае, взял гитару в руки в 12 лет.

В. Что пел?

О. БИТЛЗ, конечно. Подобрал сотни полторы песен, в основном из ранних альбомов. На меня это оказало огромное влияние.

В. У тебя хорошая техника – ты где-нибудь учился?

О. Дома, больше нигде. Разве не видно, что моя техника – доморощенная? А потом, ближе к 15, по мне шархнуло ЛЕД ЗЕПШЕЛИН. Ну, и к 20 – Майк. До этого я пытался шебуршиться к поэтам, которые что-то делают /не к книжным, а из андеграунда, из ровесников/, но ничего меня не устраивало. Неплохие стихи, но внутреннего резонанса во мне не вызвали. А так как я был тепличный ребенок, с сильными параноидальными наклонностями, то мне нашлось, что сказать. Все мое искусство сильно замешано на психопатологии, и избавиться от этого я не смогу, наверное, никогда. В принципе, рокером я стал уже после того, как стал студентом мединститута, куда поступил после школы.

В. Окончил?

О. Почти, за полгода до конца ушел. Кстати, если у вас будет желание, то проводите специальное исследование: из каких социальных групп происходят рокеры? Мне кажется, что большинство -выходцы из среднего класса.

В. А что ты сам можешь выделить из своих вещей?

О. Конечно, "Азиатская месса", "Печальные сказки", "Космос",

"Частушки", "Дорога назад". Для меня все большее значение приобретают блюзы. Чувствую, что скоро стану исключительно блюзовым музыкантом. Может быть, все, что я пока сделал – лишь прелюдия к этому. И еще, мне кажется, сейчас я из эстетики рока куда-то уже выхожу.

В. Как ты смотришь на будущее рока? Уже два года разрешают концерты, рок перестал быть запретным плодом...

О. Я думаю, что еще лет десять рок будут принимать, по крайней мере, до тех пор, пока у власти не появятся ровесники хотя бы Леннона.

Хозяин

Из серии Ж.З.Л.Р.Р.

Гитлеровская внешность, в сочетании с бессовестным цинизмом, но какой ум, батенька! Перед вами злой гений – Андрей Тропилло. Когда откроется вопиющая гласность, человечество с несомненным единодушием признает в нем второго Леонардо. И это правильно, ибо Андрей Владимирович умеет делать все: записывать в любых условиях музыку, принимать роды, водить или угонять поезда, охотиться, играть на музыкальных инструментах, волочиться, делать из пустых вагонов plombированные студии, командовать ротой, батальоном,

фронтом плюс является специалистом в области всех религий, блестящим лингвистом, русофилом и западником, жидомасоном и антисемитом в одном лице, а также очень хорошим семьянином. Кто не знает – пусть не говорит! По восходящей имеет не менее знаменитых родственников, но об этом после и за умеренную плату.

Для полной ясности попробуем разбить деятельность А.В. в русле отечественного рока на три периода:

I – 1978-82 гг.

II – 1982-84 гг.

III – 1984-86 гг.

В начале своей сверхчеловеческой карьеры Тропилло, равно как и многие, поставил на "Машину времени". Помимо записи концертного альбома "Маленький принц" -февраль 1979 г. – занимался организацией левых концертов, продажей записей и фотографий группы путем "публичных лекций". Позже, как и многие, глубоко и очень громко раскaiвался в содеянном. Но это был еще 1983 год, и в его словах звучала затаенная гордость, после 1986 года смененная на жалость к Макару.

В это время уже не было смысла добивать "Машину" альбомами собственного производства – стояли другие задачи.

Последней диверсией АнТропа на ниве популяризации "М.В.", насколько я помню, стала организация по липовым документам концерта Андрея Макаревича в кинотеатре "Аврора" на сеансе фильма "Душа". Но понаехали органы, ходившие, по словам АнТропа, за любимцем публики буквально по пятам, и каждый остался при своем казенном интересе.

Незадолго до этого был записан альбом из хороших бардовских песен на студии в "Доме Юного Техника" /бывшая женская гимназия/, названный после "Несостоявшийся концерт". Альбом вызвал своеобразный всплеск. "Макар стал лучше писать, стихи совсем литые", – сказал мне АнТроп, но больше заниматься "Машиной" не стал.

Сейчас, если я не ошибаюсь, в его архиве находятся следующие записи группы:

1. Московский домашний альбом группы, где даже есть песни Кавагоэ V-19 1976 г.
2. "Маленький принц" V-38 1979 г.
3. "Москва – Ленинград" V-19 и 38 1981 г.
4. "Несостоявшийся концерт" V-19 1982 г.

Не знаю, когда им овладела идея создания собственной студии, думаю, что она укреплялась по мере собирания сделанных

им концертных записей и проб других звукорежиссеров. Всё звукозаписывающее движение носило скорее характер соц. соревнования между Ленинградом и Москвой, чем современное желание конкуренции с Западом.

К моменту открытия деятельности Хозяина в студии "Дома Юного Техника" в 1979 году уже существовали из известных и ныне авторов следующие записи:

Полустудийная "Машина времени",
дотропилловские альбомы "Аквариума",
альбомы "Високосного лета" 1978-79 гг.,
первые студийные опыты "Капитального ремонта" с
1977 г.,
дискография Ю.Морозова от 1973 г. ВСДХ и т.д.,
домашние акустические записи Ю.Ильченко "Дождь" 77
г. и А.Макаревича "Я поверить был бы рад",
полустудийное московское "Воскресенье",
репетиционный альбом "Россиян" и т.д.

Так что было и чему поучиться помимо Великой Классики Рок-н-ролла.

Из ранних опытов, со слов Андрея Владимировича, существовали концертные записи Высоцкого и вышеуказанная "Машина". Свое же главное детище "Аквариум" Хозяин сначала записывать не хотел /со слов его и Б.Г./, предпочитая им "Мифов" и Андрея Панова. Не тяготел тогда явно к символизму и новой волне, заменившим ему впоследствии почти все ценности русскоязычной рок-культуры. Можно сказать, что сначала его воспитал своим творчеством Гребенщиков, а после, накачавшись, он и сам стал поучать всех и Б.Г.

Таким образом, цепь замкнулась с поправкой на Майка. Майка АнТроп любил и любит по сей день считая его музыкально-поэтический багаж лучшим из всего созданного в русском роке, не исключая "Аквариум".

Соглашаться с ним или не соглашаться было всеобщее право, но в 1983 году странно было слышать о причислении Зоопарковой музыки к символизму. Таким же макаром в этом лагере могли оказаться: "Чикин-Фликин" - "Мифов" 74 г., "Кирпичная стена" – "Капитального ремонта", "Длинноногая тетя Салли" – Литтл Ричарда и т.д.

В этом же 1983 году у Андрея Владимировича появилась ревность, сводившаяся к охаживанию не им созданных популярных альбомов. Таких, к примеру, как московское "Воскресенье" 80 г. с Никольским и Маргулисом, двойник "Урфин Джюса" 82 г., "Трубный зов" 83 года, некоторые альбомы Ю.Морозова, суперальбом Матецкого и Чернавского "Банановые острова" 83 г. Ошибки эти главным образом говорят, что и он человек и ничто человеческое ему не чуждо. К 1986 году им были спродюсированы и отзвукоорежиссированы следующие альбомы:

- "Машина времени" – "Маленький принц" 78 г. дек.
- "Мифы" – 4 песни 79 г.
- "Аквариум" – "Синий альбом" 79-80 гг.
- "Мифы" – "Дорога домой" 80 г.
- "Аквариум" – "Треугольник" 81 г.
- "Аквариум" – "Акустика" 81 г.
- "Аквариум" – "14" 82 г.
- "Аквариум" – "Электричество" /Тропилло-Динов/ 82 г.
- "Аквариум" – "Табу" 82 г.
- "Пикник" – "Дым" 82 г.
- "Кино" – "45" 82 г.
- "Зоопарк" – "Уездный город N" 83 г.
- "Странные игры" – "Метаморфозы" 83 г.
- "Аквариум" – "Радио Африка" 83 г.
- "Мануфактура" – "Городские дела" 83 г.
- "Кино" – "Начальник "Камчатки" 84 г.
- "Зоопарк" – "Белая полоса" 84 г.
- Б.Окуджава – концерт в ЛГУ 84 г.
- "Аквариум" – "День серебра" 84 г.
- "Телевизор" – "Шествие рыб" 85 г.
- "Алиса" – "Энергия" 85 г.
- "Облачный край" – "Ублюжья доля" 85 г.
- "Кино" – "Ночь" 86 г.
- "Облачный край" – "Стремя и люди" 86 г.
- "Аквариум" – "Дети декабря" 86 г.
- "Ноль" – "Музыка драчёвых напильников 86 г.

Самое удивительное, что большинство из них создавалось в довольно-таки нестерильных с международной точки зрения условиях. Метод следующий: на магнитофон ТЕМБР писалась болванка /научный термин, подразумевающая ритм-группу инструментов/, при перезаписи которой с магнитофона на магнитофон делалось наложение

вокала и дополнительных солирующих инструментов.

К примеру, на Мифовской "Дороге домой" болванка и оригинал были записаны на V-19, что не исключало отменного качества. Некоторые записи удачно были сделаны вживую – песни "Сентябрь", "Марина", "-30" и др. Понимая это и мысленно соглашаясь и с такой формой, Хозяин вставлял любезный его сердцу track – "Сентябрь" допиской к "Табу".

Оригинальной удачей стал и контакт с отпетым звукорежиссером фирмы "Мелодия" В.Диновым в работе над циклом "14" и "Электричество", состоящим в оригинале из пяти композиций. Эти первые многоканальные записи "Аквариума" на фирме "Мелодия" раскрыли Хозяина одновременно и как менеджера высокого градуса. Динов, стоявший всегда на реакционных позициях к неформальному творчеству, сначала был даже ошеломлен /со слов Динова/. После, правда, отошел, оценив не без помощи Ю.Морозова подпольную музыкальную деятельность как шарлатанство, продолжая по инерции напевать на работе "Двух трактористов, напившихся пива" с "Треугольника". Но факт остается фактом, запись состоялась, на студийном качестве она и сегодня звучит добротно.

Альбом "Табу" записывался с одной накладкой на выцыганенных на время у фирмы "Мелодия" магнитофонах STUDER. Метод домногоканального периода оставался классическим. Электрогитары писались с комбиков или через пульт – впрямую. Всевозможные двенадцатиструнки, пианино с кнопками, флейты писались тоже с микрофонов. Барабаны по возможности закрывались щитами и снимались четырьмя-шестью микрофонами. Микрофоны были преимущественно советские всех трех видов: динамические, электретные и конденсаторные. Из зарубежных участвовали по мере приобретения списанные откуда-то Телефонкины, Нойманы и побитые Шуры. База магнитофонов не шибко разнообразила от ТЕМБРА до STUDER. Реверберация осуществлялась через единственный фирменный DYNACORD, чье пружинное эхо с большой перегрузкой до сих пор слышно на альбоме "Энергия". DYNACORD по тому времени стоил до 1,5 тыс. Но бессребряный наш Андрей Владимирович даже в трудное для него время приобретения кооперативной квартиры и ковра за 400 р. у Юры Ильченко не расстался с редкой по тому времени штукой: DYNACORD и поныне жив-целехонек, и сам Хозяин пророчит ему место в будущем музее "Отечественного Рока". Из примочек использовалось все, что приносили музыканты, но нехватка была. По нынешним временам, когда у многих музыкантов "Поп-механики" экипировка тянет от "Москвича" до "Мерседеса", это понять трудно.

Одним из последних немногочанальных альбомов был "Уездный город N", записанный очень быстро с STUDER на STUDER на пленку BASF LR-56. В выборе ленты для оригиналов и первичных фонограмм-болванок, отбросив ложный снобизм, Хозяин руководствовался скромносписанными запасами всяких "мелодий" и "радио" от Ленинграда до Москвы. Предпочитал BASF, AGFA, мечталось об АМРЕХе, но ряд альбомов был записан и на Г.Д.Ровскую

ORWO – "Белая полоса", некоторые трэки и вовсе на СВЕМУ-4415. Цены на фирменную студийную ленту простирались в зависимости от количества склеек и новизны с 7,5 р. до 40 р. за километр. ORWO стоила 10 р., что в настоящее время составляет 20-25 р.

Источник расходов Хозяина оставался прежний – тратилась вся зарплата, матбаза иногда, правда, пополнялась и с помощью Донжуановского списка. Завершение какого-либо альбома сопровождалось традиционным шампанским, которое ранее продавалось во всех окрестностях улицы Панфилова. Долгим и последним оплотом казалась любимая мороженица на углу Пороховской и Среднеохтинского, где в разлив бывало и шампанское, и черт знает чего только не бывало раньше в светлой памяти "Времен разлива". Думаю, что с окончательным исчезновением шампанского на Охте связалось и решение распроститься с "Домом Юного Техника".

О взаимоотношениях Хозяина с музыкантами должна быть особая статья, поконцептуальнее этой. Но студийное время Андрей Владимирович точно распределял в духе гласности и демократизации, независимо от статуса и возраста исполнителей. Исключение мог составлять разве что Майк, с которым они закрывались в кабинете, пили портвейн и играли в кости и... записывали музыку, конечно. Но и ради записей "Аквариума" он не изменял своим известным занятиям с пионерами и пионерками. Обучая всех подряд игре на акустической гитаре, которой он владел в совершенстве, не забывал Хозяин и духовное воспитание паствы путем разбора песенного творчества, бесед о смысле жизни и морали. Ну прямо Лев Толстой какой-то! Тем не менее как гитарист почти нигде не участвовал, а вот флейту свою любил куда-нибудь вставить. Если не приглашали поучаствовать на флейте – скромно обижался. Пожалуй, это был единственный из приемов лести, доступный его сердцу. К сожалению, в "Аквариуме" существовал "штатный" Дюша, заполняя собой объективное место Андрея Владимировича.

Как один из эпизодов, удачно характеризующих профессионализм Хозяина, могу вспомнить удивление Юры Морозова от Тропиллиной игры на гитаре. Прослушав пару инструментальных пьес, Гуру сказал: "Во – кайф! Так записывал бы лучше свои альбомы, чем всякое..." Грудь Андрея Владимировича выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, усы прекрасно затрепетали!

Нет, никогда не опустится он до записи собственных композиций. А мог бы! Но уж пусть Морозов ест сам свое говно, его же цель другая – музыкой воспитать благие намерения в обществе.

АнТроп, по-моему, остался единственным представителем Ленинградской Рок-культуры, которого уважал Морозов. Глубокие споры их имели диапазон от летающих тарелок до попытки вычислить друг для друга следующую нишу при удачной инкарнации. "Все-таки он мэтр!" – под большим секретом сообщал мне Хозяин.

Из неосуществленных замыслов на этом периоде были: так и не появившийся на свет альбом Свињи, тщетные

попытки "Россиян" – АнТроп их ни в грош не ставил, недоделанный второй альбом "Мифов", перепланированные циклы и записи отдельных исполнителей.

Что касается записей Володи Леви, то он, конечно, сам виноват, не найдя за пять лет оптимальных вариантов аранжировок собственных песен. Да и звук для "Тамбурина" надо было специально выставлять, искать их дух, что ли. Доказательством бесполезности работы с Леви является наконец осуществленная Юрием Морозовым запись коллектива на фирме "Мелодия". Купив пластинку, я нашел в ней все, чего боялся: отсутствие аранжировок и мастерства в исполнении, неритмичность. Ну и мелочи – консервные барабаны, плохо записанная акустическая гитара, недостаточный уровень холла /Юра пожадничал из режиссерских амбиций/. Если кому сказать, что этот альбом записан на студии покруче, чем та, на которой Леннон делал "Двойную фантазию", не поверят.

Контакт АнТропа с Цоем, через посредничество Гребенщикова, вылился в альбом "45", где Б.Г. выступил продюсером и инициатором записи. Альбом открыл новую группу, и после дебюта в Рок-клубе в совместном концерте со "Странными играми" и бит-алкогольной группой "Реквием" судьба Цоя была положительно решена через кочегарки к звездам!

Приемы звукорежиссуры в альбомах "45", "Начальник Камчатки" и альбомов "Зоопарка" оставались старые – болванка-накладка. По качеству больше проигрывал "Начальник Камчатки" – сказывалась вторая накладка, да и ТЕМБР – еще тот магнитофон.

На Рок-фестивале 83 года I место заняла группа "Мануфактура". Положение Хозяина на работе было шаткое, и он молниеносно решил записать цикл песен лауреатов. На мой вопрос о принадлежности группы к року или символизму, Андрей Владимирович ужом вывернулся, причислив Олега Скибу к числу Ленинградских поэтов новой волны. С этим утверждением можно было бы согласиться, одновременно причислив к этому течению таких корифеев советской песни, как М.Танич, Л.Дербенев или А.Горохова с М.Ножкиным. Года через три при прослушивании "Мануфактуры" Хозяин выразился однозначно: "Лаж на лаже, лажей погоняет".

Не думаю, что и эти слова были прозрением, просто в свое время он хотел поразить альбомом группы воображение своих оппонентов, и почти этого добился.

В 1983 году, посредством корешения с хозяевами вагона М.С.И. АнТроп осуществил запись трех многоканальных альбомов групп: "Странные игры", "Аквариум" и "Мануфактура". Болванки записывались в Ленинграде, накладки делались в обеих столицах. При этом, конечно, выпивалось множество фанты и коньяку, но работа получилась на славу и не стоила авторам никаких денег. Так бы всегда! Правда, московские режиссеры пытались писать по большей части всё сами, не доверяя Андрею Владимировичу, а то и вовсе прогоняя его. Безумные не знали, что они умрут, а он останется, хотя бы на конверте "Радио Африка". На студии

М.С.И. и зародилась у Хозяина мысль: а хорошо было бы иметь свой такой вагон, кататься в нем по стране, музыку писать.

Вскоре нашелся и железный кандидат. До совершенства ему было далеко, и АнТроп дал в своем окружении следующую информацию -кто будет больше всех вкалывать, запишется первым. Вкалывали, как могли, но больше всех повезло "Телевизору". Дальнейшая судьба пломбированного вагона остается белым пятном истории.

Начинался III период деятельности Хозяина – многоканальный. Фирма "Мелодия", как всегда, омолаживалась, списывая устаревшую /для нее/ технику. При содействии Юры Морозова 8-канальный АМРЕХ был рекомендован в постоянное пользование в качестве подарка "Дому Юного Техника". Преподаватель кружка звукозаписи вышустрил от своего начальства соответствующие бумаги, а Морозов замолвил словечко.

Будущие альбомы писались периодически, и я не помню уже последовательности их выхода. В числе первых – классический "День серебра", за ним "Шествие рыб", далее посыпанный удобрениями в виде Козьмы Пруткова /автора, привлекаемого всеми, у кого нет своих идей/ "Смотри в оба", "Ублужья доля" и "Энергия". Творческая линия режиссера здесь просматривалась с трудом. Скорее всего, это была тотальная запись популярных групп Ленинградского Рок-клуба. Попытка представить свою работу как дальнейшее выглаживание линии новой волны и символизма окончательно запудрила ленинградские мозги. Музыкальная критика и так уже давно плясала под АнТроповскую дудку /флейту/, а теперь и вовсе сделала принадлежность к новой волне эдаким партбилетом в спецраспределители будущего. Не отставали в свою очередь и либеральные газеты Запада, которым Россия казалась нововолновой державой еще со времен реформ Петра I.

На мои вопросы о достоинствах "Телевизора" Хозяин отвечать уклонялся, больше ссылаясь на их помощь в оборудовании вагона, чем на собственные фонограммы.

С Кинчевым, тут все ясно. Фурор, произведенный "Алисой" на концертах, был так велик, что "писать или не писать"?, АнТроп не рассуждал. Конечно, писать! Кстати, в "Энергии" ему, наконец, удалось отвести душу игрой на флейте и драматургией.

Что же касается второй любви после Майка – Сергея Богаева /третий был тоже не Б.Г./, то это замысел старый. В нем принял участие и Евгений Губерман, имевший желание поработать над созданием грамотного рокового альбома. Песни писались поканально. Для пущей заводки Богаев играл на базе болванку в дуэте с Губерманом на ударных. После чего на остальных каналах имитировалась группа "Облачный край" одним лишь автором композиций. Несмотря на известный риск, альбом действительно получился роковым и крепким. При этом Хозяин возился с коллективом по-черному – ездил в Архангельск, по прибытию Рауткина и Лысковского /уже на "Стремя и люди"/ освобождал им свою квартиру в Купчино,

организовывал по липовым бумагам возможные гастроли. Знакомство с творчеством "Облачного края" произошло, как и в случае с Цоем, через Б.Г.

1985 год для Ленинграда был ознаменован усилением экспорта периферийного рока. АнТроп еще не догадывался, что представители столь нелюбимого его душой направления, как "Симантика", разнесут его популярную теорию в пух и прах. Не желая даже прослушать материал "ДДТ", "Наутилуса", продолжал он свято верить в то, что избранные им для элиты ценности являются таковыми. Было ли это заблуждением пенсионера рока или его коммерческим предубеждением, судить можно разное.

А в квартирах-салонах, правда, лишь отдаленно напоминающих литературные собрания Петербурга, в это время крутили напролет Д.К., заслушивали Башлачева, переписывали во все стороны "Время" и прочие сольники Шевчука, обсуждали творчество свердловчан. По-своему оказался Хозяин прав в случае с "Наутилусом". Пример, как группа за три года сделала круг почета и, кажется, заканчивает его у входа в дискотеку, заполнив вакантное место устаревшего "Форума", в чем-то заставляет с ним согласиться.

Коренные ленинградцы, держите свою марку, главное – спокойствие! Привилегия лезть на всевышестоящие должности и рваться в суперзвезды с натугой для таланта – не наша привилегия, а приезжих! Ну да рок им судия...

Из последних наших встреч-бесед характерно случайное нахождение друг друга в "Чебуречной" на пр. Металлистов. АнТроп восседал за столиком в обществе неизвестных ему людей, дегустируя марочные вина. "Здоров!" – "Здоров!" Я взял чанахи, чай. Понеслась беседа – суцая околесица, от Марса до Маркса, после я соблазнил его зайти в дом напротив. Так разговор был продолжен в домашней студии Петра Струкова – штаб-квартира группы "Дети". Здесь АнТроп сделал явное открытие, причислив Ю.Шевчука к символистам /?/. Вероятно, расторчался на его триумфальных концертах по городу и Шушарах, вот и принял из мушкетеров к себе в гвардейцы. Да, канальство, эх, заманчиво как! Потом слушали Петины фонограммы. Аранжировки его так ошарасили, что и советов никаких не последовало. Здесь был другой уровень. Потом чай гоняли опять, заваривая покруче. Вспоминали соседей – Юру Морозова и Федю Чистякова, третьего любимца великого магистра. Последнему инкриминировалась Ленинградская школа, а первому и не знаю какая.

Насчет Федора, это он явно соврамши. По-молодости его /Федора/ ничего сам же не давал ему слушать, кроме "Облачного края", а "Аквариум" прятал до времени /!?. Лев Толстой ведь так в Ясной поляне не поступал, а скорее Макаренко в колонии собственного режима. Шютка...

С тех пор мы почти не виделись. Ни по одному из десяти телефонов его не застать. Запись высококачественных альбомов приостановилась. Но брошенный маршалский жезл никто не поднял, отставку никто не принял. Хотя Ленинградская и ее пригородов режиссура работает, рук не

покладая, все же хороших альбомов маловато.

А что АнТроп? Да вот, кооперативы жучит, пластинки выпускает. А все те, кого он вытащил из петербургского колодца, как Тёма Жучку, гонят на него всякое. Такова память человеческая...

Настоящая статья написана за месяц до исключения Тропилло из Рок-клуба. Ее автор на собрании, вынесшим такое гнусное решение, не присутствовал. Тема джаза, как одна из линий деятельности Андрея Владимировича, не включена сюда специально, как и многое другое, не связанное с роком.

ВЕСТИ С ТАЛЛИНА

/INFO на 09.88/

Эх, Россия! А вы слышали вообще-то про город такой в Эстонии – Таллин?

Это столица Эстонии? Это – запад нашего паспорта? Может быть, там живут националисты, не знающие ничего, кроме цветов буржуазного эстонского флага, холодного моря и своих хуторских проблем?

Нет, нет и нет. Столица Эстонии – это Тарту, а Таллин, напротив, очень цивилизованный сити, хотя бы в отношении интернациональной публики, живущей в нем. Кстати, соотношение сторон по языковому признаку -50 на 50 /эстонский – русский/. Хотя о национальностях вообще вопроса нет – многие не смогут сказать, кто они: эстонцы, русские, датчане или украинцы с финнами. Скорее, их национальность – таллинцы, а конфликты сподручнее улаживать при помощи ломаного английского мата. Сближают же всех жителей города следующие вещи: мощный поток информации с Запада, приблизительно равные возможности и права в использовании этого потока и тотальная антисовдеповская установка на приобретение собственного паспорта. Что касается рок-н-ролла, то тут, доложу я вам, есть очень древние традиции, и не только певческих праздников. Не все так хорошо, конечно, как малюет в "ROCK IN THE USSR" Артем Т., мы ведь тоже советские люди, но уже так устроила природа, что эстонцы и неэстонцы в Таллине никогда не испытывали дефицита рок-н-рольной информации. Другое дело – местные рок-подвижники, группы и прочая масса творческой молодежи. Но музыка для всех нас и есть тот самый язык, на котором мы всегда могли договориться о девочках...

Кстати, о девочках! Я хоть сам и таллинец, но не смогу сказать точно – сколько рок-тусовок есть в нашем городе и так ли они действительно хороши сейчас, как их малюют, но их не менее восьми. Это только официально зарегистрированные разного рода и смысла рок-клубы, кооперативные фирмы типа "AJAX", объединения профессионалов и любителей /"MUUSIK", "ZEPPELIN CLUB"/. Если учесть небольшую численность населения города /500 000 чел./, то

становится ясно, отчего один и тот же человек успевает не только появляться, но и верховодить в нескольких организациях или клубах одновременно. Отсюда и дешевизна всего официоза этих формальных заведений, хотя некоторые из официальных фирм просто уникальны в нашей стране. Взять хотя бы клуб любителей музыки психоделический "ТАЛЛИНСКИЙ ЦЕППЕЛИН КЛАБ" при кооперативе "АРСЕНАЛ" -а ведь так /Т.Ц.К.П./ и звучит во всех бюрократических формулярах нашего города. Они /эти фирмы/ и проводят огромное количество разнокалиберных мероприятий. От концертов-призраков типа "IN SPE" и "RUJA" до крупных панк-фестивалей республиканского масштаба. Последнее время было задействовано и Певческое Поле, где могло бы собраться до 200 тыс. человек: HEVYSUVI 87, ROCK SUMMER 88.

Именно эти грандиозные события и могли напомнить вам о том, что где-то есть еще этот "мелкий эстонский городишка типа Дубны". Но все же часто чувствовалась задолбавшая нас, таллинцев, линия "Эстония -Запад", ведь нам, истинным интернационалистам, нужен не этот помпезно приподнятый нос и сине-бело-черные погоны на плечах живущих в республике музыкантов и их друзей, а нормальное общение с нормальными людьми, пусть они будут родом хоть из Кушки. Наверное и там теперь есть местный рок-клуб. А у нас в городе, честное слово, есть где разгуляться. Но в проведении милых сердцу рок-сейшенов главная проблема – финансы и публика, которой /ей-богу/ и так есть к чему приложиться. В то время, как запрещенная в Эстонии АЛИСА продолжает собирать огромные толпы почитателей по всей России – от Киева до Хабаровска и Ялты, в Таллине на плохо отрекламированный концерт АУКЦИОНА или, скажем, ДДТ не явится и тысячи человек. Тут это дело таким образом не пройдет. Но кто сказал, что концерты должны проходить именно ТАКИМ ОБРАЗОМ? Но все же, несмотря на обилие концертов чисто эстонских групп, таллинцам необходимы концерты ленинградцев, москвичей и вообще чисто русских коллективов. Дело все в особенностях малоэнергичной и холодной подачи эстонских вариантов горячей и острой пищи. Мы голодаем, нам не хватает консервантов в виде записей и роликов ленинградского ТВ. И еще мы хотим не только верить в то, что "нас становится все больше", но еще и узнать новые, не пробованные нами живые российские варианты рок-н-ролла. Кроме того, чего уж греха таить, неэстонское население Таллина, хотя и не сталкивается на улицах и в магазинах с проявлениями национализма /как эстонцы не чувствуют на себе происков ответной политики мигрантов-шовинистов, хотя знакомы с их взглядами из сплетен и наговоров центральных и, особенно, республиканских газет/, но культурная программа неэстонцев до сих пор находится в относительно узкой жопе, если не посчастливилось притерпеться к эстонскому языку. Кстати, материться все же предпочитают по-русски. И лишь самая передовая часть предпочла естественно перейти на выражения типа "I FUCK YOUR MOTHER"...

Немного о новых группах

Что касается музыкальных привязанностей, то тут существуют три основных потока.

Неэстонское население, живущее в гетто -новых районах города, занимается традиционным ритм-н-блюзом, что само по себе говорит о положении относительно новых переселенцев в Таллине. Квартирные джем-посиделки, ночные бдения и домашние записи под ритм-машины – вот удел "белых негров" любимого всеми нами Таллина. Эта часть наиболее склонна к социальному протесту и текстам из разряда "Мы все здесь взорвем, потому что мы против!". Отсутствие возможностей репетировать и регулярно выступать, порождает агрессивность как в музыке, так и в идеях, поэтому эти группы близки к российским. Общая анархическая установка делает концерты интересными событиями. В таком джете можно поучаствовать практически любому желающему. Любимыми учителями для этих ребят остаются, как и раньше, старые черные блюзовики /MUDDY WATERS, J.J.HOOKER/ и белые ритм-н-блюзовые адепты рок-н-ролла /ROLLING STONES, DOORS/. Иногда наличие аппаратуры и достаточного опыта приводит ту или иную группу к форме прихардованного ритм-н-блюза с импровизационными психоделическими узорами. Лидерами этого стиля стали ТАЛЛИНСКИЙ ВАРИАНТ /лидер Сергей Пугач/ и трио ТРАДИЦИЯ /лидер-гитарист /. Первые отрицают любые маски, будь то "перестройка", "рок-клуб", "панк" или "черная магия". Вторые идут по пути Дж. Хендрикса или "CREAM", и тут явно преуспевает гитарист, уходя по плоскости психоделических запилов так высоко, что полотно "бас-барабаны" едва успевает выстилаться под разливом эротических припадков электрогитариста. Когда же музыканты исполняют песни, близкие по концепции к философии уличного бродяги /J.J. CALE/, всегда бывает приятно, потому что эти песни мелодичнее и не носят погромного характера. Так музыкальный материал, сходный с западным /20-летней давности/, совершенно естественен для всех, кто говорит по-русски в Эстонии, и это правда.

Есть эстонцы, которые исполняют хард-ритм-н-блюз более профессионально, например, самая популярная в Таллине эстонская группа ULTIMA THULE /лидер Рихо Сибул/, но им не сопутствует скандальная известность, так как все эти группы давно официозные и состоят из солидных старых музыкантов, знакомых по арт-року конца 70-х /RUJA, IN SPE/ или фьюжн начала 80-х /KASEKE, SYNOPSIS/. Они прошли полосу вырождения в эстонскую рок-эстраду и возвратились к своим началам пятнадцатилетней давности, не находя под собой новой идеи; осталось лишь попользоваться настроениями за возрождение буржуазной Эстонии. Но, как на грех, вряд ли кто-нибудь из них сможет когда-либо расстаться с полученной амбицией рок-звезды местного значения. Так что, по большому счету, все это может оказаться слишком скучным для НАС. Это лишь попс.

А эстонская "молодая шпана" с 76 года врубается больше в панк. В 85-86 годы VELIKIJE LUKI обросли друзьями

типа J.M.K.E. Но, что приятно, все группы разные, либо по внешним признакам, либо по идейной концепции, либо уж по музыке. Сами ВЕЛИКИЕ ЛУКИ становятся мало-помалу солидными музыкантами, но их выступления скорее напоминают BOOMTOWN RATS образца 79-80 г., а музыка тяготеет к неороку U2, а вот J.M.K.E. пожелали остаться панками и возглавили сейчас авангард таллинской панк-культуры вместе с совсем молодыми RÕÕVEL-ÕÕVIK /СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК/, KULO, PRO и AVE LUNA /жены панк-музыкантов/. И если когда-то VELIKIJE LUKI могли лишь только выступать в школьных залах, гонимые не только милицией и родителями, но и сверстниками, то теперь у всех этих групп есть массовая публика со всей республики. Панк-фестивали, по традиции проходящие с пивом в лесах далеко за городом, постепенно переместились в центр Таллина, на площадки в Старом городе или в парк Кадрiorг. Что характерно: панк теперь признан официально, его можно увидеть и по ТВ, и заслушать по радио. Был он /впервые/ и на крупнейших эстонских рок-форумах "LEVIREPORTAAZ" 88 /февраль/, Тарту-88, но разрешение получил лишь только через IV Таллинский рок-клуб, а это изначально было чисто русскоязычное предприятие /спасибо Рихо Бауману за активное участие в вопросе интернационализации идей этой тусовки/. Собственно, панков-то как раз и не фачат вопросы национализма, и это, наверное, самые добродушные люди Таллина, потому что дерьма, отчуждения и злопыхательства достаточно среди остальных жителей города. Если кому-то это кажется неприемлимым, то тогда я могу ему предложить съездить в Питер, где можно напороться на панка, который любит оттянуться на какой-нибудь потасовке, плюнет вам в лицо или выбьет зуб, при этом грязно ругаясь. Может быть, кого-то устраивает такая правда, а только нашего панка стоит защищать от люберов, ибо он слишком добр и прост, чтобы дать врагу достойный отпор.

PROPAGANDA – группа близкая, как и J.M.K.E., к SEX PISTOLS по музыке, но еще более тяжелая и агрессивная, пользуется растущей славой. Вот по весне лидеру PRO удалось устроить пожар на сцене фестиваля KADRIORU – ROCK. В течение часа MATTAKS и еще десятка два панков тушили своими тертыми кожанками огонь перед 1.500 зрителями после неудачной попытки продемонстрировать акт сожжения электрогитары. Шоу получилось отменным – разлился горящий бензин и спасти шнуры не удалось. Вместе со штрафом от хозяев аппарата Юлари /небрить лидер PRO/ получил и лавровый венок лучшего панка по тайному решению большей части публики, ибо яркий огонь и неподдельный энтузиазм во время тушения не мог не броситься в глаза даже самому тупейшему из тех, кто стоял перед сценой.

VENNASKOND и Тыну Трубецкой отличаются от прочих уровнем текстов Тыну, которые хорошо известны эстонской молодежи.

KULO – так же, как и J.M.K.E., вроде бессмысленная аббревиатура. Отличается группа от прочих панков удивительной сыгранностью, немногословием и

геральдической средневековой атрибутикой, что подспудно роднит ее с хэви-металлургами. Яркие петушиные одежды, торчащие дыбом длинные волосы голубых оттенков, сразу бросались всем в глаза во время концертов, проведенных авангардом рок-движения совместно с партией "зеленых" в июле 88 года под общим названием "DIOXID ROCK". Не менее ценна и артистическая сторона их выступлений. Как говорят сами панки: будущее за этой группой. Главное, что хотят сказать KULO -это протест против засорения нашего города мусорами, заводами союзного значения, мигрантами и другим дерьмом. Трудно с ними не согласиться в этом.

AVE LUNA – оллгёл группа, поющая свою тоскливую песню голосами обезумевших от недоедания беременных кошечек. Появилась она в 88 году, и главная проблема молодых панкерш, решивших взяться за нелегкое дело концертных выступлений – это смех, раздирающий их на части. Обычно AVE LUNA помпезно и долго выбираются на подмостки, сопровождаемые голодными взглядами публики, выстраиваются в шеренгу по принципу ВИА и крепятся. По прошествии нескольких минут доносятся звуки, а далее следует такой авангард, что сами панкерши прыскают со смеху и с большим трудом допевают песни, и, как бы, давясь от радости, умирают от стыда – такой у них наряд. Проходит еще какое-то время и панкерш будто бурей уносит со сцены в публику, они, побросав инструменты на пол, буквально слетают вниз, короче, кончают...

RÖÖVEL-ÖÖVIK был организован в 88 году басистом J.M.K.E. Тарво Варресом по прозвищу "NAHUIITS", что можно перевести на русский как "сикуха" /девочка-малолетка/. В J.M.K.E. он пришел, когда ему было 16. Как и принято, J.M.K.E. перестали его устраивать как музыкально прогрессирующая группа – он быстро овладел бас-гитарой. К тому же было велико желание заняться авангардизмом и пост-панковой психоделией с уклоном в импровизационный инструментализм. Всем нравится эта попытка обойтись без текстов, особенно тем, кто плохо понимает по-эстонски. СОЛОВЬИ-РАЗБОЙНИКИ считают, что можно и должно быть понятно всем – только нужен уровень музыкального выражения идеи, и тут они близки к ленинградским ДЖУНГЛЯМ и к третьей общей тенденции таллинских новых групп.

Есть группы, ориентированные на инструментальную импровизационную часть -как правило авангардно-психоделическое смешение разных музыкальных стилей, с минимумом текстов; хотя вокалист, обычно один из инструменталистов, все же вынужден дополнить весь этот авангард не только голосом, но и текстом. В нашей республике такие группы всегда пользовались популярностью обеих языковых групп, т.к. им легче преодолеть барьеры непонимания. За этими группами будущее, поскольку им проще не быть носителями политической идеи, освободившись от ненужных словоблудий и всего, что связано с речью – национализм и прочие порочные философские споры да будут предметом тех, кто не перешел на общий язык понимания –

музыкальный. Нужно быть проще и в текстах не стремиться обнаружить свою привязанность к каким-либо штампам, порожденным спорами на разных языках.

НАССЪ – русскоязычная группа, действует уже 10 лет, но только теперь вышедшая из подполья. Образ жизни – коммуна, все на правах членов семьи, имущество общее, идеи общие. Музыкальные идеи навеяны авангардистами типа Ино, Кэн, Фриппа, TANGERINE DREAM и народной музыкой разных стран. Формы выражения разные: квартирные записи, любительские фильмы, журнал ТУПИК, дети. ВСЕ это связывается воедино деятельностью НАССЪ. Первое крупное выступление – 1988 г. DIOXID ROCK. Написано около 200 гимнов и песен. Место репетиций: частная квартира. И лишь с этого года – ДК Железнодорожников. Склонны к оптимистическим настроениям и стараются отразить это в творчестве. Из хитов публика отмечает песню-наворот "Я - великий национальный поэт" и балладу "Вон та лодка". Активные члены ТАЛЛИНСКОГО ПСИХОДЕЛИЧЕСКОГО ЦЕППЕЛИН КЛАБА не раз спасали человеческие жизни, за что люди их и любят.

Группа СХАК, отколовшаяся от ТАЛЛИНСКОГО ВАРИАНТА по причине отказа от традиционного в нашей среде духа бунтарства и анархизма в пользу гармонии мелодии и минимализма в музыке. Ведомая бессменным лидером Эдиком Длинным /вокал, гитара, клавиши/ по дороге разочарований, нашла в себе силы донести светлые и гениальные в своей простоте мысли до наших затуманенных соц-действительностью мозгов и, как ни странно, полюбились даже некоторым таллинским девушкам. С одной стороны, констатация факта: "Перестал быть нужен небу человек", с другой стороны, опять-таки веры: "Летит за Экватор Дракон Семикрылый" и надежда на лучшее будущее: "Ноги, мои ноги, отведите меня домой!". Это доказывает, что дух б. и д. еще не иссяк. Фаны почему-то находят аналогию с DIRE STRAITS и PINK FLOYD. Может быть, это так и есть?

Есть еще немало интересных групп, но они слишком молоды, чтобы о них много говорить. А остальные, в принципе, вам наверняка неизвестны: ЛИВЕНЬ, МУЗЕЙ, ГОД ДРАКОНА, ИМПУЛЬС, РУЯ, Свен Грюнберг, ВАРАН, VANEM ÕDE, SINGER-VINGER и т.д. – это все уже не авангард или не скоро станет авангардом. Это либо набивший оскомину совдеповский металл, либо суррогатные упаковки, в которые местные музыканты пытаются упрятать свою бесталанность. Причем не всеми это делается бестолково, есть еще и очень талантливые технари, которые в состоянии аппаратурой, саундом и мало-мальской грамотностью одурачить даже искушенного ценителя музыки. А нам нужна только правда, пусть будет она и некрасива и слаба. Ради нее я пишу все это. Давайте быть вместе! Привет!